

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ТРАНСПОРТ ДО ВЕЗЕЛВУЛА

ЭКСМО

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Транспорт до Везелвула

«Автор»

1999

Ливадный А. Л.

Транспорт до Везелвула / А. Л. Ливадный — «Автор»,
1999 — (Экспансия: История Галактики)

Корпоративная Окраина, живущая по своим законам, на протяжении сотен лет являлась пространством, подчиненным власти денег. Однако всему когда-то приходит конец. Закон «О правах разумных существ» приходит сюда вместе со сменой колониальной администрации. Однако корпорации Окраины не собираются сдавать свои позиции без боя, тем более, когда речь идет о сверхприбылях, получаемых от добычи синтетического наркотика, образующегося на токсичной свалке отходов, в которую превращена планета Везелвул.

© Ливадный А. Л., 1999

© Автор, 1999

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1.	10
ГЛАВА 1.	10
ГЛАВА 2.	18
ГЛАВА 3.	23
ГЛАВА 4.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Ливадный

ТРАНСПОРТ ДО ВЕЗЕЛВУЛА

ПРОЛОГ

13 апреля 3781 года по Галактическому календарю...

«Как уже неоднократно упоминалось в наших публикациях, Корпоративную Окраину, которая долгое время являлась „не подконтрольной никаким законам территорией“, в последние два месяца потрясла целая цепь скандалов. Это напрямую связано с изменением политики Аллора в отношении территорий, находящихся под юрисдикцией колониальной администрации.

Как заявил пресс-секретарь администрации, решений Совета Безопасности миров никто не отменял и «Договор о правах разумных существ», подписанный Аллором в 3723 году, продолжает действовать, распространяя свое влияние на территории всех планет.

Созданная при колониальной администрации Аллора специальная комиссия начнет свою работу с облета всех освоенных планет сектора, после чего объединенный парламент Окраины, заслушав доклад комиссии, будет принимать соответствующие решения относительно статуса некоторых территорий, которые в данный момент находятся под негласным контролем десятка наиболее мощных промышленных корпораций Окраинных миров.

Пока еще рано судить, к чему приведет подобный шаг колониальной администрации. Будет ли это успешной попыткой реанимации закона «О правах разумных существ» на огромной территории дикого, едва освоенного космоса, или данная попытка приведет к новой вспышке гражданских и корпоративных войн в секторе, покажет действительное развитие событий в ближайшем будущем...»

(Из обзорной статьи третьего номера ежемесячного обозрения «Все миры» от 13 апреля 3781 года.)

30 апреля 3781 года по Галактическому календарю

Окраина... Система звезды Онтарио, планета Омикрон-9. Комплекс зданий центрального офиса корпорации «Генезис»...

Два человека неторопливо шли по аллее искусственного сада, разбитого под стеклянным куполом на плоской крыше одного из небоскребов.

Старшему на вид можно было дать лет шестьдесят-семьдесят, но спортивное сложение и одежда чуть скрадывали возраст. Старик шел, заложив руки за спину и глядя себе под ноги. Двигался он неторопливо, словно бы экономя силы на каждом движении. Седые волосы старика чуть трепал ветер, который изредка врвался в аллею, пропускаемый под купол через специальные отверстия. Эти дуновения уносили пряный запах искусственных джунглей, слегка волнуя листву экзотических деревьев и наполняя аллею тихим вкрадчивым шорохом.

Шагавший рядом со стариком молодой человек лет двадцати пяти имел с ним явное фамильное сходство. Его руки, точно так же сцепленные за спиной, сжимали небольшой продолговатый корпус мобильного коммуникатора дальней связи.

Его одежда резко диссонировала с неброским костюмом собеседника – дорогая, весьма элегантная тройка из темного материала, которая очень хорошо сидела на его стройной, подтянутой фигуре, должно быть, стоила целое состояние. На мысль об этом наводили запонки из тусклого коричневатого металла и подобранные в тон им часы с массивным браслетом. Если предположить, что металл на часах и запонках не был подделкой, то молодой человек носил на себе уже не одно, а целых два состояния.

Они негромко беседовали, причем говорил в основном молодой, а старик лишь кивал, внимательно слушая и изредка вставляя свои замечания.

Вслед за ними под сенью образующих аллею деревьев двигался еще один участник этой сцены.

Он был одет намного скромнее своего хозяина и старался держаться на почтительном расстоянии от прогуливающейся по аллее пары, в то же время ни на миг не выпуская их из поля зрения. Он двигался бесшумно, словно призрак. Его правая рука, на которой в дань моде красовалось несколько массивных ювелирных изделий, лежала на теплой рукояти автоматического импульсного пистолета. На запястье левой был укреплен миниатюрный детектор движения, на который он бросал беглые взгляды.

Этот, третий, участник событий был очень высокооплачиваемым телохранителем, и, по сути, ему не следовало обращать внимание на разговор двух самых значимых и влиятельных людей системы Онтарио, но так уж случилось, что акустика помещения, в котором раскинулся этот дивный сад, доносила до его слуха многое из того, о чем неторопливо беседовали нынешний глава корпорации «Генезис» и его наследник.

А говорили они о вещах более чем любопытных.

– Значит, ты решил, что существует угроза нашему производству? – Роберт Итем остановился на перекрестке аллей и повернулся к сыну, который почтительно, но без всякого намека на подобострастность остановился возле него, внимательно склонив голову, чтобы хорошо слышать сиплый голос отца.

– У нас возникло несколько серьезных проблем, отец, – ответил он, глядя куда-то за прозрачный купол, сквозь материал которого ясно просматривались пирамидальные крыши городских небоскребов. – Золотые времена полной анархии постепенно начинают отходить в прошлое, и мне приходится пересматривать политику компании относительно многих ключевых вопросов, – спокойно доложил он. – В данном случае это связано с известными тебе трудностями. Добыча редких элементов из радиоактивных отходов и прочей высокотоксичной концентрированной дряни – это весьма прибыльное, но ужасно нетехнологичное производство. Ну а когда начинают вмешиваться разного рода некоммерческие ведомства, ситуация перестает быть таковой, – не скрывая своего раздражения и озабоченности, заключил он.

– Речь идет о Везелвуле¹, насколько я понял? – спросил Роберт Итем, возобновляя свое неторопливое продвижение по аллее.

– Да, отец, – подтвердил его догадку Эрик. – В этом, как и в прошлом, году наблюдается устойчивая тенденция к снижению прибыли, а в последние месяцы положение стало просто недопустимым.

– А в чем дело? – неожиданно резко спросил старый Итем, остановившись. – Разве ты не используешь бесплатную рабочую силу заключенных колониальной тюрьмы? По-моему, это делает производство вполне рентабельным!

¹ Везелвул – искаженное «Вельзевул», глава демонов в западноевропейской мифологии.

– Да, но лоббирование наших интересов в колониальной администрации с каждым годом становится все дороже, ты же знаешь, – разведя руками, спокойно возразил его сын. – Идея с колониальной тюрьмой была гениальна полвека назад, когда ты начинал разработку Везелвула, но теперь это уже не оправдывает тех расходов, что мы несем на содержание чиновников, защищающих наши интересы на Аллоре. Ты уже в курсе, что они затевают тотальную проверку всех планетных систем?

– Да, мне докладывали об этом.

– Везелвул-12 числится в рабочем списке комиссии.

– И что ты предлагаешь? – прищурившись, спросил старый глава корпорации. – Раз ты затеял этот разговор, значит, у тебя уже есть какие-то мысли?

– Да, отец, – охотно подтвердил Эрик. – Меня больше не устраивает балансирование на грани фола, – пояснил он, вновь сцепив руки за спиной, как это постоянно делал отец. – Все эти экологи, экзобиологи и прочая братия из департамента внешних поселений, которых ты в свое время допустил на планету, год от года становятся все наглее и настойчивее в своих требованиях, – не скрывая своего гадливого отношения к перечисленным категориям людей, раздраженно сообщил он. – Это наносит существенный вред – мы не можем делать крупных капиталовложений для открытия новых производств и модернизации старых, потому что они грозят приостановить действие лицензии на разработку токсичных свалок в том случае, если прекратится финансирование их работ по изучению и преобразению Везелвула.

– Печально... – усмехнулся старый Итем. – Скажи, а разве им нельзя заплатить?

– Нет... – покачал головой Эрик. – Я бы не стал этого делать.

– Из принципа?

– По многим соображениям. Есть гораздо более радикальные способы решения данной проблемы, которые к тому же гарантируют стопроцентный успех.

– Неужели? – Старик покачал головой, с долей сомнения взглянув на сына, которым исподволь любовался. – Я думал, что моя идея с колониальной тюрьмой и прикармливанием всех этих лоботрясов из администрации колоний – самый верный путь к цели, – высказал он свою мысль.

– Сожалею, отец, – вздохнул молодой человек, – но это уже вчерашний день. Расчеты показывают, что от тотальной автоматизированной разработки Везелвула мы получим астрономическую прибыль.

– А ты хорошо подумал? – вновь нахмурился отец. – Моя политика привела к тому, что «Генезис» выглядит наиболее «чистым» на фоне иных корпораций. Почитай прессу, сынок, и ты увидишь, что нас называют чуть ли не гарантом мира на Окраине. Мы создали неплохую рекламу колониальным властям, вкладывая деньги в расчистку территорий и преобразование атмосферы Везелвула.

– Все это политические дивиденды, отец, – возразил Эрик. – Надеюсь, ты не собираешься баллотироваться в президенты Аллора?

– Нет, – покачал головой старый Итем. – Не собираюсь.

– Времена меняются, отец, – вновь настойчиво повторил Эрик. – И все прошлые заслуги «Генезиса» могут обернуться громким скандалом, если кто-то узнает об истинном положении дел. Ну хотя бы о том, что на планетоиде четыре сотни лет существует жизнь, которую, согласно законам, уже можно назвать «исконной». Раньше этим просто не интересовались, а теперь все может рухнуть в один день только из-за того, что кто-то на Аллоре вспомнил про мифический договор многовековой давности.

– Да, скверно... – согласился отец, что-то обдумывая. – Но ведь ты понимаешь, что мы не можем свернуть производство и уйти с Везелвула по одной причине...

– Ты имеешь в виду разработку сетрония?

– Именно. Пока все убеждены, что его возможно получить лишь в лабораторных условиях. Или это уже не так?

– Все так, отец. Экспорт сетрония и других элементов «третьей группы» – это тот столп, на котором покоится «Генезис». После того как наши войска раздавили «Индосистемз», у нас не осталось никаких конкурентов. Поэтому я считаю, что нельзя раздавать взятки, – при этих словах во взгляде молодого Итема промелькнуло что-то столь жесткое и холодное, что эта внезапная искра ненависти заставила мысленно поежиться даже его отца... – Это не решит проблему, – пояснил Эрик. – Нужно принять радикальное решение.

– Какое? – старый Итем знал своего сына и был уверен, что решение уже есть, иначе тот бы не затеял этого разговора.

– Я считаю, что солнцу Везелвула пора погаснуть... – спокойно сообщил Эрик.

Бровь Роберта Итема удивленно поползла вверх.

– Вот как? И что это даст?

– Очень многое. Мы потерпим месячные убытки, но зато в ближайшем будущем все права на Везелвул полностью отойдут «Генезису», – это просчитано и уже практически организовано.

Глава корпорации вновь задумался, но на этот раз пауза оказалась дольше, чем прошлая.

Старый волк, которому на своем веку пришлось сожрать не одно конкурирующее предприятие или неудобный департамент, сразу ухватил суть сказанного. Мысленно он уже аплодировал сыну за столь изящное решение проблемы.

Конечно, ему было жаль той системы, что вот уже пятьдесят лет исправно функционировала на Везелвуле, но, может быть, его сын прав, и времена изменились?

«Крепкая у них хватка... – невольно подумал старый Итем. – Они жестокие... и умные».

– Да... планета без солнца не понадобится никому, ни колониальной администрации, ни Аллору, ни экологам с их бредовыми идеями планетарной инженерии, – старый Итем усмехнулся собственным мыслям.

Эрик удовлетворенно кивнул. Он знал, что отцу придется по душе такая идея, но он слишком боялся и уважал Старика, чтобы действовать без его ведома.

– По расчетам, полное разрушение атмосферы произойдет в течение двух недель, – сообщил он. – Как раз к прилету комиссии по колониям там не будет ничего, кроме льда и вакуума. В памяти поколений «Генезис» останется той единственной фирмой, что боролась за преобразование Везелвула, но обстоятельства оказались выше всех усилий, – произнеся это, Эрик усмехнулся и взглянул на отца. – Нет трупа, нет и проблемы. Комиссия посмотрит на мертвый кусок обледеневшего радиоактивного камня и поймет, что тут уж ей делать абсолютно нечего. Ну а технологии безатмосферной разработки позволят нам восстановить производство и повысить уровень добычи в десятки раз, но уже не будет никаких экологических или нравственных проблем.

– А как быть с тюрьмой? – поинтересовался старый Итем.

– Отец, искусственное солнце Везелвула функционирует уже добрые четыреста лет без должного присмотра и обслуживания, – ненавязчиво напомнил ему Эрик. – Ты же сам прекрасно знаешь историю этой космической помойки. Пора бы произойти сбою или катастрофе. Разве нас можно будет обвинить в этом? По-моему, контроль за искусственной звездой не входит ни в какие договорные обязательства.

Роберт Итем остановился, погрузившись в созерцание небольшого водопада.

Его сын был прав. Эти чинуши из департамента внешних поселений совсем зажрались. Стоит поставить их на место. Ну а что касается людей... Пара экологических экспедиций, персонал тюрьмы да заключенные – невелика потеря в пересчете на вероятную прибыль от безатмосферной разработки Везелвула при помощи современных автоматических средств. А колониальная администрация, после того как планета превратится в замерзший кусок камня,

будет по пятам бегать за тем, кто захочет купить исключительные права на такое гиблое и бесперспективное место. Ремонт звезды они явно не потянут, на это не хватит никаких бюджетов... Да и было бы из-за чего, поморщился Итем, правильно подметил Эрик, – космическая помойка, и этим все сказано. Умный мальчик. А главное – жесткий в бизнесе, без лишних сантиментов и комплексов. Никто ведь не знает, что там, в этих самых болотах, образуется сетроний, один грамм которого стоит бешеных денег, подумал он и, подняв взгляд на сына, одобрительно кивнул:

– Действуй. Я надеюсь, что у тебя все продумано?

– До мелочей, отец. Мой человек на Везелвуле уже ждет соответствующего приказа.

– Надежный?

– Могила... – криво усмехнулся Эрик. – Шер, подойди к нам! – обратился он к экзотическим зарослям, раскинувшимся по обе стороны аллеи.

Спустя несколько секунд оттуда беззвучно вынырнул высокий человек с крупными, броскими чертами лица.

– Это мой телохранитель и доверенное лицо для особо важных поручений, – представил его Эрик. Дождавшись, пока отец удовлетворенно кивнул, он похлопал Шера по плечу и доверительно сказал: – Я слышал, ты приобрел «Нову», Шер?

На бесстрастном лице телохранителя промелькнула тень беспокойства. Несмотря на самообладание, он заметно напрягся.

– Не хочешь «обкатать» покупку? – Тон Эрика из доверительного стал жестким и холодным. – Нужно проверить небольшое дело. Слетаешь на один богом и людьми забытый мирок. Там найдешь указанного мной человека и заставишь его произвести определенные операции. Подробные инструкции получишь отдельно. Главное, убрать исполнителя и мигом исчезнуть оттуда, понял?

Заметив, что в глазах Шера промелькнуло откровенное недоумение, он рассмеялся и пояснил, вновь похлопав того по плечу:

– Там произойдет катастрофа, Шер. Большая, печальная, непоправимая катастрофа...

ЧАСТЬ 1. НЕЖИТЬ.

ГЛАВА 1.

Снег был ослепительно-белым, искрящимся в свете прожекторов, а следы на нем – неестественно красными, броскими, неуместными...

По плитам космопорта пронзительный ветер стлал жгучую поземку. Тощий пес, с впадинами боками и обрывком цепи на шее, жадно лизал запятнанный кровью снег, боязливо косясь в сторону опрокинутой набок треноги тяжелого импульсного орудия.

Из распахнутых ворот складских терминалов доносился тихий заунывный вой...

Бьющие с вышек прожектора освещали занесенные снегом пустующие квадраты старто-посадочных полей, а выбитые окна складских помещений хищно скалились острыми зазубринами прозрачного пластика.

Собака, свалывшаяся шерсть которой уже не могла скрыть выпирающие наружу ребра, вдруг бросила лизать окровавленный снег, подняла голову, устремив во тьму полный отчаяния взгляд, и тихо зарычала. При этом ее верхняя губа злобно вздернулась, обнажив желтые резцы.

Из темноты приближалось Нечто.

Внешне это был человек, но пса не могла обмануть ни одежда, ни бледное, словно пятно снега, лицо. Пес зарычал еще громче, инстинктивно отпрянув из освещенного прожекторами круга.

ОНО не пахло человеком. ОНО было другим.

Примитивный мозг животного воспринимал это как очевидный факт. Под холодной, чуть синеватой от мороза кожей скрывалось что-то противоестественное, и пес ощущал это каждой клеточкой своего тощего тела...

...

Гуманоид, не обращая внимания на собаку, которая продолжала пятиться в темноту, вошел в круг яркого света. Он был высок, но сложен нескладно. Яйцеобразный, лишенный волос череп блестел в холодном свете, и снежинки не таяли на нем. Кожа существа казалась холодной, такой же холодной и голубоватой, как хрустящий под подошвами ботинок свежий наст.

Задрав голову, он посмотрел на гроздь прожекторов, потом опустил взгляд, равнодушно скользнув им по заиндевевшим телам возле перевернутого импульсного орудия, и пошел дальше, в сторону открытых ворот грузового терминала.

Пес, затаившийся во тьме, не выдержал и завыл.

Он являлся одним из последних живых существ, оставшихся на планете, и чувствовал, как холодный ветер выдувает остатки жизни из его отощавшего тела. Если бы он мог, то кинулся бы вслед за существом, чтобы вонзить свои клыки в его холодную голубую плоть, но подсознательный ужас оказался сильнее.

Он мог только выть – от бессилия, от холода и ледящего, непонятного его мозгу, ирреального страха.

* * *

Снег все шел и шел, потом он прекратился, словно в небесах истощились запасы колючих снежинок.

Давно прошли все мыслимые сроки, а рассвет не наступал. Холод проникал все глубже, сковывая землю; деревья, зеленая листва которых была покрыта шапками снега, клонили вниз отягченные ветви. Вокруг царилла глубочайшая тишина. Злой ветер, несколько суток дувший без перерыва, наконец унялся.

Одними из немногих звуков, что нарушали немой покой замерзающего планетоида, были сухое потрескивание и тихий звон, когда очередная ветвь какого-либо дерева, не выдержав тяжести снежных шапок, вдруг ломалась и падала на застывшую землю, разлетаясь вдребезги, будто была сделана из стекла.

Среди этой необыкновенной тишины жили еще и иные звуки, но они раздавались очень далеко от тех земель, что культивировали и освоили люди.

За бетонными дорожками, квадратами зданий и куполами ангаров, за стройными лесопосадками начиналось пространство, куда люди приходили лишь по принуждению. Здесь никогда не росли деревья. Огромные площади занимала бугристая равнина, испятнанная кляксами бездонных топей. Покрытая бурой плесенью поверхность пузырилась зловонными испарениями, над участками изменчивой, зыбкой почвы то и дело вспыхивали блуждающие огни; иногда свечение становилось столь ярким, что походило на беснующееся у самой земли полярное сияние.

Тут, среди гибельных для всего живого топей, располагались конусные башни атмосферных процессоров. Сейчас они натужно ревели, пытаясь пополнить запасы исчезающего воздуха. На эфирных частотах от башни к башне, от компьютера к компьютеру неслись зловещие сигналы тревоги.

Никто не слышал их. Отвечать на призывы компьютеров было некому... Лишь смутные уродливые тени изредка появлялись в окрестностях перегруженных атмосферных процессоров, оглашая странную равнину тоскливыми, жуткими воплями...

Впрочем, среди этих проявлений явной нежити, там, где в зловонных топях возвышалась старая насыпь, на которой кое-где еще сохранились остатки давно заброшенной дороги, присутствовал намек на нечто человеческое и обитаемое.

То были серые утилитарные постройки давно законсервированного за ненадобностью форта, вот уже несколько столетий не посещаемого никем, кроме голубокожих жителей отравленных болот.

И тем не менее там присутствовала жизнь.

На плоской крыше одного из зданий громоздились установленные тут совсем недавно антенны, по своей конструкции схожие с теми, что монтировались на станциях Гиперсферной Частоты, предназначенных для глубокой межзвездной связи. Разница была лишь в том, что конструкции являлись самодельными и очень маломощными.

В данный момент они работали. Тихо гудели установленные прямо на крыше генераторы низкочастотных полей, выкачивая драгоценные, невозполнимые эрги из систем обогрева нескольких обитаемых зданий.

Конечно, этого было недостаточно, чтобы послать полноценный межзвездный сигнал, но комплекс продолжал работать, и его голос, устремленный вверх в виде способных проникнуть сквозь метрику трехмерного пространства волн, походил на едва слышный шепот умирающего:

«ВСЕМ, КТО НАС СЛЫШИТ. ГОВОРИТ КОЛОНИЯ ВЕЗЕЛВУЛА.<P9> SOS! SOS! SOS!...»

Последняя аббревиатура повторялась до тех пор, пока в системе передающего устройства оставалась энергия.

Весь парадокс заключался в том, что официальное поселение колонии на Везелвуле находилось в пятидесяти километрах южнее, и именно оно должно было послать подобный сигнал, но передатчики космопорта молчали.

Потом умолк и этот, исходящий со стороны болот шепот.

Прошло еще несколько суток, и атмосфера вновь помутнела. На безмолвную землю, на мертвые дома, пустой космопорт, зеленовато-белые леса и бескрайние, пузырящиеся ядовитыми испарениями топи неосвоенных пространств начали беззвучно падать большие хлопья замерзшего воздуха.

Это был последний снегопад. Атмосфера замерзала, падая на планету неправдоподобно большими, чуть голубоватыми хлопьями кислородного снега.

Они, как саван, укрывали следы внезапно застывшей цивилизации.

В полной темноте продолжали жить лишь два источника света, расположенные в окрестностях самого крупного поселения планеты.

Одним из них был пустой космопорт, а другим – мрачное здание колониальной тюрьмы для особо опасных преступников.

По иронии судьбы именно эти два сооружения имели собственные, автономные источники энергии.

* * *

12 мая 3781 года по Галактическому календарю

Система Везелвул-12. Здание колониальной тюрьмы строгого режима

Первым его ощущением был холод.

Дикий, пробирающий до самых костей холод, от которого хотелось кричать. Однако тело, туго спеленатое жгутами проводов, идущих от десятков облепивших кожу датчиков систем жизнеобеспечения, не могло даже пошевелиться. Для человека, только что очнувшегося в собственной низкотемпературной могиле, эти провода и шланги являлись непомерным, обременительным грузом.

Разлепить веки – и то был тяжкий труд.

Рефлекторная дрожь ресниц привела лишь к тому, что, кроме холода, до пробуждающегося сознания дошел тусклый желтый свет.

Это еще нельзя было назвать жизнью. Заторможенная попытка что-то вспомнить или хотя бы понять – где он, что с ним, почему так холодно и откуда идет эта изматывающая дрожь, – то был первый проблеск пробудившегося сознания.

Внутри цилиндрической камеры криогенного сна тихо и монотонно вздыхали насосы. Какие-то жидкости нездорового желтого цвета мерными толчками двигались по прозрачным трубкам. Слоистым туманом плавали пласты пробуждающего газа...

Память возвращалась очень медленно и не несла в себе ничего утешительного...

Николай фон Риттер приходил в себя.

Он был заключенным.

Приговор суда – вечное поселение. К его услугам – любая из сонма адских планет, где такие, как он, гибнут сотнями.

Жестокая реальность Корпоративной Окраины. Тут человеческая жизнь стоила во сто крат дешевле, чем иная из бытовых машин...

Реанимация памяти продолжалась. Это был медленный, болезненный, но необратимый процесс.

Он уже вспомнил свое имя, и если бы его покрытое смертельной бледностью лицо оказалось способно к мимике, то он бы усмехнулся – криво и невесело, как делал это его прапрадед, фамилию которого носил Николай. Гуманность цивилизованных законов была лишь фарсом, испокон веков призванным заткнуть глотку крикливым борцам за права человека. У понятия «смертная казнь» всегда находилось достаточное количество более благозвучных аналогов. Например, «вечное поселение». Обслуживание станций переработки атмосферы, осо-

бенно там, где исходный продукт – чистый яд, – это удел для роботов и заключенных. Нечто более гуманное, чем электрический стул, газовая камера или публичная аннигиляция.

Бежать с таких миров невозможно, а выжить там больше года – тем более.

Отчего же так холодно?..

Ответ был прост: его размораживали. Выводили из состояния низкотемпературного сна, в котором он пребывал с того момента, как был оглашен приговор суда.

Значит, корабль уже разгрузился и улетел...

Николай фон Риттер не догадывался, что просто оказался брошен на лишившейся своей звезды, замерзающей планете, и к жизни его вернули отнюдь не человеческие руки.

Те странные трехпалые конечности, что несколько часов назад побудили к действию автоматику одного из криогенных залов тюрьмы, можно было назвать «руками» лишь с очень большой натяжкой.

Теперь обладатель этих самых трехпалых рук сидел подле освещенного колпака криогенной камеры и, слегка покачиваясь из стороны в сторону, терпеливо ждал, пока очнется заключенное внутри существо.

Он очень сильно хотел есть.

* * *

Криогенный зал колониальной тюрьмы представлял собой абсолютно утилитарное, функциональное помещение, донельзя набитое аппаратурой и напрочь лишенное каких-либо удобств.

Цилиндрические камеры сверхглубокого сна, установленные тесными рядами, создавали ощущение узости пространства, хотя само помещение отличалось огромными размерами.

Тот факт, что внутренние системы тюрьмы все еще функционировали, объяснялся достаточно просто – низкотемпературные усыпальницы, в которых транспортировались преступники, являли собой продукт высоких технологий, – они были очень надежны, работали без вмешательства человека, не создавая никаких проблем.

...В тиши криогенного зала тонко пропел предупреждающий зуммер.

За окнами царила гробовая тишина. Голубые хлопья кислородного снега продолжали медленно падать с чернеющих небес. Атмосферное давление уменьшалось, и прочные пластиковые рамы окон тюрьмы угрожающе потрескивали. По зданию гуляли пронзительные сквозняки – воздух находил для себя лазейки, чтобы просачиваться наружу, туда, где была область низкого давления. Пройдет еще какое-то время, и атмосфера в здании станет такой же разреженной, как и на улице.

...Николай еще не знал, как сильно ему повезло. Процесс пробуждения, спровоцированный грубым прикосновением трехпалых рук к нежной сенсорной клавиатуре его камеры, был начат вовремя. У него, в отличие от других заключенных, еще оставалось немного времени, чтобы очнуться, прежде чем воздух и тепло окончательно покинут мрачное тюремное здание.

Однако в тот самый момент Николая не волновало ни собственное «везение», ни та катастрофа, что постигла небольшой, затерянный в пространстве Окраины планетоид. Он едва мог найти в себе силы, чтобы лежать, содрогаясь от холода, и мучительно, по крупницам, собирать собственное сознание.

Он ничего не видел вокруг себя – лишь мутный, пробивающийся сквозь тошнотворные вихри газа желтоватый свет. Никаких посторонних звуков – только посапывание насосов да монотонная капель срывающегося с внутренней поверхности колпака конденсата.

Он ждал резкого чавкающего звука открывающейся камеры, злобных окриков конвоя, натужного присвиста сервоприводов охранных машин, недовольного гомона и стонов заклю-

ченных из соседних камер, но вместо этого его продолжала обволакивать тишина – тяжелая, как помертвый саван.

Наконец, не выдержав муки затянувшегося ожидания, он пошевелился, ощутив, как от слабого движения натянулась часть оплетавших его тело проводов.

Холод уже стал невыносимым.

Николай почувствовал, как беспокойство и томительное ожидание вдруг сменил липкий страх. Почему его не вытащат отсюда?!

Через минуту, показавшейся ему вечностью, на смену страху пришла злоба. Он понимал: после приговора суда его жизнь уже не стоила ничего. Де-юре – Николай фон Риттер оставался гражданином планеты Ганио, со всеми вытекающими отсюда правами, но де-факто – он стал никем. О нем могли позабыть, и то, что один из заключенных, пробудившись, просто скончается в своем криогенном гробу из-за какой-нибудь технической накладки или простой человеческой халатности, уже не волновало никого. Часть заключенных была заранее списана в процент неизбежных потерь при транспортировке.

Он не надеялся, что может шевелиться. Тело казалось куском льда, который наполняла боль. Колпак криогенной камеры, мутный пластик которого виднелся за тошнотворной дымкой пробуждающего газа, походил на добротную крышку гроба.

Николай попытался поднять руку.

Он точно знал, что криогенные камеры, модифицированные для транспортировки заключенных, открывались исключительно снаружи. Но он и не думал, что ему удастся открыть или разбить колпак. Он хотел лишь подать знак, что жив.

От слабого движения что-то неприятно хрустнуло под самым ухом. Николай зажмурился и стал дергаться всем телом, несмотря на боль, тошноту и ощущение ледяного озноба.

Его решимости и сил хватило секунд на десять, не больше. Сознание вдруг помутилось, и он затих, погружаясь в боль и чувствуя, как по обнаженному телу сбегает капли какой-то жидкости.

* * *

Существо, сидящее рядом с освещенным колпаком криогенной камеры, заметило слабое движение и приподнялось, опираясь на две мощные лапы, покрытые складками серой морщинистой кожи.

С большим трудом в неуклюжей полутораметровой фигуре можно было выделить общие для гуманоидных рас черты.

Возможно, что когда-то это был человек, хотя допустить подобную «катастрофу тела» мог разве что пьяный генетик или скульптор музея восковых фигур. Короткие кривые ноги, слишком развитые руки с тремя пальцами, тусклый взгляд глубоко запавших глаз, рот, щерящийся в вечной недоброй усмешке, – все это создавало образ, далекий от человеческого, – так мог выглядеть мутант в энном поколении, но никак не представитель Homo Sapiens.

Впрочем, возможно, что так оно и было. По крайней мере, в тусклом взгляде желтоватых глаз не было ничего осмысленного, только дикий голод. Существо проковыляло несколько шагов и яростно поскребло когтями прочный пластик. Затем, заскулив, отступило назад. Ему было холодно.

Мясо под колпаком по-прежнему ворочалось, но оно было недостижимым... Пока...

Усевшись у пульта, который весело перемигивался огнями, существо приготовилось ждать.

* * *

Под колпаком низкотемпературного саркофага действительно происходило нечто необычное. Внутренняя подсветка камеры внезапно потускнела и сменилась с желтой на красную.

Николай, который на некоторое время потерял сознание, в этот момент вновь пришел в себя. Открыв глаза, он увидел лишь клубящийся багровый сумрак да несколько датчиков, которые раскачивались на коротких проводах среди вихрей пробуждающего газа.

Он понял, что произошло, когда в уши вместо монотонного шелеста внутренних насосов ударил тревожный высокочастотный сигнал.

Своими неуклюжими попытками привлечь чье-либо внимание он добился лишь того, что оборвал прикрепленные к телу датчики, отчего система автоматического поддержания жизни подняла тревогу.

Это могло закончиться по-разному. Либо кто-то придет, чтобы выяснить причину сбоя, либо автоматика сама справится с неполадкой, либо камера просто отключится спустя некоторое время...

Внезапно сквозь противный писк зуммера тревоги послышалось отчетливое шипение, и красноватая мгла, обволакивавшая его тело, начала стремительно редеть.

Николай, который окончательно пришел в сознание, но по-прежнему был беспомощен, как новорожденный младенец, почувствовал, что дышать стало легче – газ улетучивался, и причиной тому был открывающийся колпак его криогенной ячейки!

Красный свет внезапно потух. Зуммер сдавленно пискнул и замолк, в то время как прозрачная крышка, поддерживаемая двумя телескопическими штангами, поднялась вверх и отъехала в сторону, скрывшись за изголовьем.

Теперь уже ничто не отделяло восковое тело человека, покрытое мелкими капельками влаги, от внешнего мира. Он по-прежнему лежал неподвижно, сотрясаясь от мучительного, засевшего в каждой клеточке организма холода...

«Странно, что не слышно окриков», – отстраненно подумал Николай. Он все еще не воспринимал реальность в полном объеме – сознание оставалось рыхлым, мысли были непоследовательны, а ощущения безнадежно запаздывали.

И все-таки после долгой паузы, лежа в полнейшей тишине, которая уже начала давить на него, сквозь дурноту и озноб он опять ощутил тревогу и страх – два чувства, что бессильно бились где-то внутри, пытаясь достучаться до заторможенного сознания...

...

Мутант, затаившийся в метре от открывшегося саркофага, вытянул шею. Над пультом управления, словно перископы подводной лодки, поднялись два горящих голодным огнем глаза.

Внезапно тело человека несколько раз конвульсивно дернулось, словно сквозь него пропустили разряд электрического тока, а затем усеченный цилиндр криогенной камеры приподнялся и повернулся, аккуратно вывалив человека на пол.

Это сработала последняя автоматическая система. Выстрелив в шею Николая двумя зонд-инъекторами со стимулирующим раствором, криогенная камера отправила свое содержимое на пол. Все огни на ее контрольных панелях потухли, встроенные насосы издали последний вздох и остановились...

...Через несколько минут Николай, содрогаясь от холода, сумел подняться на четвереньки. Он чувствовал себя настолько мерзко, был так слаб, изможден и напуган, что, заметив

два разнесенных в стороны глаза, торчащие из-за пульта управления, принял их за плод своего воображения.

А что он мог еще подумать?

Он только что очнулся от низкотемпературного сна и был подвержен всем пакостным постэффектам этого противоестественного для человеческого организма состояния. Пусть эти глаза и выглядели вполне натурально, как и вцепившаяся в пульт трехпалая конечность, но все равно это был лишь отвратительный глюк, порождение пробуждающего газа и стимулирующих инъекций, которые, заставив работать заторможенный мозг, могли нарисовать в воображении и не такую пакость...

Опираясь на край криогенной камеры, Николай поднялся, обвел мутным взглядом огромное сумеречное помещение и, цепляясь за пульта, медленно пошел по проходу в направлении двери.

Вслед ему смотрели два глаза, в которых голод был смешан с отвращением. Как ни странно, но мутант не кинулся на добычу. Существо, которое, пошатываясь, брело прочь от перевернувшейся набок низкотемпературной ячейки, слишком отвратительно воняло. Жизнь в отравленных радиоактивных болотах научила его не есть подозрительно пахнущую еду. Он видел, как от такой еды умирали в диких корчах и судорогах некоторые неосторожные сородичи, и его частично атрофированный мозг хранил в себе этот опыт чужих мук и смертей.

И все же он очень хотел есть...

Дождавшись, пока голый человек дойдет до конца прохода и скроется за дверями подсобного помещения, тот, кого Николай счел галлюцинацией, вышел из своего убежища и последовал в том же направлении...

* * *

В подсобке, куда попал Николай, было еще холоднее, чем в криогенном зале.

Обливаясь липким холодным потом, он вцепился в пластиковый косяк, пытаясь совладать с бунтующим желудком. Через некоторое время, когда тошнота стала не столь острой, он огляделся.

Помещение, куда он попал, имело панорамное окно, за которым в кромешной тьме падали неправдоподобно большие, чуть голубоватые хлопья снега. Вдали не светился ни один огонь – ночь за стенами здания была черна, и лишь у самого стекла огромные снежинки выскакивали из мрака, словно рой фантастических насекомых, и, медленно кружа, уплывали вниз, в бездонную черноту...

Николай рухнул в кресло.

Холод и страх грызли его изнутри. Осмотрев помещение, которое оказалось обыкновенной караулкой, он наконец заметил царящий вокруг беспорядок.

На скошенной панели охранных систем стояла сиротливая чашка с кофе. Кто-то второпях задел ее, и по мертвым окошкам индикаторов растеклась высохшая коричневая клякса. На полу ровным слоем рассыпались диски компьютерной памяти, небрежно выброшенные из распахнутого сейфа. Пирамида для личного оружия была пуста. Зато встроенные шкафы, где охранники хранили личные вещи, пестрели кучами вываленной на пол одежды. Создавалось ощущение, что тут не так давно царил настоящая паника.

Николай сполз с кресла. Стоять на ногах все еще было выше его сил. Преодолев два метра, он протянул руку, вырвав из кучи одежды и личных вещей большое махровое полотенце из синтетической ткани. Стиснув зубы, он кое-как стер с себя остатки желеобразной массы из криогенной камеры и, все еще содрогаясь от холода, начал натягивать чью-то теплую одежду.

Копаясь в вещах, он нашел плоскую фляжку, внутри которой что-то булькало. Отвинтив пробку, он поднес ее к лицу. В нос ударил резкий запах спиртного, от которого желудок едва не

вывернуло наизнанку. Николай судорожно закашлялся, потом, плотно закрыв глаза и стараясь не дышать, поднес ко рту горлышко фляги и сделал несколько глотков.

Язык и небо моментально онемели, горячий ком застрял где-то в горле, вызвав удушливый спазм. Из глаз Николая брызнули слезы, он едва не захлебнулся, но обжигающее тепло уже провалилось в желудок, и он обессилено затих, отдавшись этому блаженному ощущению...

Как ни странно, но спустя некоторое время он ощутил прилив сил.

Цепляясь за кресло, Николай поднялся на ноги и нетвердой походкой пересек караульное помещение, из которого вела вторая дверь.

Распахнув ее, он издал нечленораздельный звук и застыл на пороге.

Хмель, если он и был, моментально вылетел из его головы.

Сразу за порогом лежал обезображенный труп в униформе охранника тюрьмы. Мертвые пальцы все еще сжимали пластиковый приклад импульсной винтовки. Строчка рваных дыр перечеркивала грудь наискосок, от левого плеча к животу.

Содрогаясь от ужаса, Николай поднял глаза и едва не попятился. Он многое видел на своем веку, но сумрак широкого коридора открыл перед ним страшную картину бушевавшей тут бойни... Стены и потолок были забрызганы кровью, двери сорваны с петель, пластиковая облицовка, посеченная ураганным огнем, сразу навела его на мысль о людях, которые, поддавшись панике, вливались в теснину коридора, давя друг друга, пока кто-то не спустил курок...

В глубине коридора, где тусклые плафоны сливались в сплошную желтую линию, тонко подвывал ветер. Там кружился снег, наметая у выбитой двери большой сугроб.

Избыток адреналина в крови сработал лучше всяких стимуляторов. Холод мгновенно отпустил – наоборот, Николаю вдруг стало жарко. Кровь гулками горячими толчками ритмично ломилась в виски, так что у него зашумело в ушах...

Николай нагнулся и вырвал из окоченевших пальцев импульсную винтовку. Он понял: где бы он ни оказался по прихоти злой судьбы и тюремных чиновников, тут случилось что-то страшное и у него нет времени ни на реабилитацию, ни на какие-либо чувства.

Его ладонь машинально высвободила пустой магазин, и он звонко клацнул, ударившись об пол возле трупа. Нашарив рукой подсумок, фон Риттер по весу определил полный и скупым движением вогнал его на место. Счетчик зарядов мягко осветился, показав зеленые цифры. С тихим шелестом сработал интегральный затвор, и умное оружие тихо пискнуло.

Николай перешагнул через труп.

Его продолжал бить озноб, но теперь его причиной был уже не холод – что-то страшное ждало его впереди, за черным квадратом выбитой двери.

ГЛАВА 2.

13 мая 3781 года. Глубокий космос, сектор Окраины. Борт грузового космического корабля «Геракл»...

...В уши Александры ударил высокочастотный вой перегруженных турбин ее штурмовика, перед глазами встал на дыбы взбесившийся горизонт, и белоснежные линии инверсионного следа ракет вновь потянулись к ней, лопааясь в ушах звонким набатом барабаниющих по броне осколков.

Она падала. Из-под наушников коммуникатора по шее и подбородку текла, капая на пол кабины, липкая и соленая на вкус кровь.

– Держись, Ледышка!..

– Командир, мы идем к тебе! Выравнивай машину!..

Слова доходили до нее, словно через слой ваты. Перед глазами плавал кровавый туман боли, затягивая перевернувшийся горизонт багряной дымкой.

Она держалась. Держалась из последних сил, вцепившись онемевшими от боли пальцами в штанги астронавигационных рулей своей покалеченной машины.

Штурмовик постоянно кренился, стремясь завалиться на перебитую плоскость и сорваться в штопор.

Саша знала, что ей уже не выкарабкаться, и только далекие голоса ребят из ее штурмового звена заставляли лейтенанта Эйзиз почти бессознательно бороться за жизнь.

Сквозь забрызганное кровью забрало гермошлема она видела, как разрастаются впереди ослепительные вспышки, перепахивающие кору планеты в том месте, откуда по ней была ракетная установка. В небо летел камень и рваные куски обугленной брони.

Потом Саша потеряла сознание, и ее машина рванулась навстречу изуродованной земле.

Лейтенант Эйзиз сидела в простреленном кресле, бессильно уронив на грудь голову в забрызганном кровью гермошлеме, а ее штурмовик, вопреки всем законам физики, продолжал лететь. Снизу его поддерживала своим силовым полем машина Сереги Вахмистрова, справа и слева то же самое делали два его ведомых, Джон Говард и Лина Семенова.

Штурмовики Иволгина и Лайзы Бетреци в трех километрах южнее шли на перехват очередного роя ракет, и броня их машин озарялась частыми отрывистыми вспышками стартующих кассетных боеголовок...

...

Саша застонала и рывком села на постели.

Еще не проснувшись, она уже чувствовала, как струится по телу липкий, противный пот. Она широко открыла глаза, обводя мутным взглядом убогую обстановку каюты, и с силой сжала виски, гоня прочь наваждение того рокового боя...

Хотелось плакать. Просто по-человечески зарыться лицом в подушку и дать волю своему горю...

Она не смогла. Что-то внутри противилось проявлению человеческих чувств. Встав со скомканной постели, она подошла к зеркалу. Взглянув на кибернетические протезы, покрытые дешевой пеноплотью, она побледнела, упрямо поджав губы.

«Сколько раз клялась себе не спать голой, чтобы, проснувшись, не видеть этого дерьма, а, подруга?..» – бессильно подумала она.

Боль внутри отступала. Она приходила в себя, как обычно, после очередного кошмара, на борту старого межзвездного грузовика.

Это называлось «периодом реабилитации»... По мнению психологов компании, она должна чувствовать моральное удовлетворение оттого, что не сидит на паперти среди калек, а продолжает работать...

Порой ей казалось, что для всех было бы во сто крат лучше, если бы ее штурмовик тогда просто врезался в холодные скалы планетоида...

Она не знала, куда бежать от собственных мыслей. «Калека... – нашептывало сознание, – калека в двадцать семь лет. Дура... Никому не нужная чокнутая дура...»

От этих мыслей ее начал колотить озноб. О сне нечего было и мечтать, и она, натянув одежду, выскочила из каюты в пустой межпалубный коридор космического корабля.

Ноги сами привели ее в рубку управления.

За пультом, водрузив ноги на скошенную приборную панель, сидел Линкс. Потухший взгляд его голубых глаз был устремлен вверх приборов в звездную бездну. В руке командир транспортного корабля «Геракл» держал полупустой стакан с сомнительным пойлом.

Саша, взглянув на его худошавый орлиный профиль, внезапно подумала, что этот человек – последний, кого она хотела бы увидеть. И тем не менее она бессознательно пришла именно сюда, в рубку управления.

Странная эта штука – судьба... Ведь Линкс был ее подчиненным. Теперь он командует, а она исполняет его приказы...

– Привет, Саша... – не поворачивая головы, произнес Линкс. – Хочешь выпить? – он протянул руку, предлагая ей бокал.

Она молча взяла его и залпом выпила.

Спиртное подействовало на нее весьма неприятным образом. Вместо того чтобы просто поговорить, она вдруг с хрустом сжала бокал...

– Проблемы, Ледышка? – Линкс повернул голову, с любопытством посмотрев на осколки пластика. – Пытаешься разжевать судьбу и выплюнуть себе под ноги?

Саша повернулась, яростно взглянув на него.

– Кому есть дело до наших судеб, а, Линкс? – не выдержав скопившегося напряжения, взорвалась она. – Мы шлак, накипь, отработанный материал...

– Тебя это задевает? – Линкс удивленно вскинул брови. – Милая, тебя мучают кошмары, и ты приходишь сорвать зло на мне?

– Да, представь! – Кибернетическая рука Саши Эйзиз произвольно сжалась в кулак.

– Девочка, ты работала за деньги. За деньги, сечешь? – Линкс откинулся в кресле. – Корпоративные войны – это грязная, кровавая и денежная работа. Не то что борьба за идею на нищих планетах, – с назидательным цинизмом заключил он. – Тебе и мне просто не повезло – мы получили свой куш, но не сумели выбраться невредимыми. Что ж... – он философски пожал плечами, допивая остаток мутной жидкости прямо из горлышка пластиковой бутылки. – Лично я знал, на что шел, когда подписывал контракт. И корпорация поступила достаточно благородно, предоставив мне шанс работать дальше...

– Ха!.. – Смех Саши больше походил на хриплый клекот. – Хорошее благородство, фрайг их всех подери! Собрали команду калек и вышвырнули в дальний космос. Работайте, ребята. С паршивой овцы хоть шерсти клок! А не загнетесь, так мы вас пошлем еще дальше...

– Ну хватит! – не выдержал Линкс. Их разговор был беспредметен, оба знали об истинном положении дел, и нечего было беречь раны... Ледышка была права – они шлак, отработанный материал, который используется корпорацией по своему усмотрению, но думать об этом было неприятно. И Линкс не думал. А она думала, потому что лишилась своей руки гораздо позже, когда он уже успел адаптироваться к своим кибернетическим протезам. Меньше всего ему хотелось пройти сызнова весь мучительный путь, пусть даже с ней.

И все же что-то шевельнулось в его очерстневшей, покрытой шрамами и отравленной алкоголем душе. Когда-то они сражались бок о бок...

Тяжело вздохнув, он встал и подошел к Саше, которая, отвернувшись, смотрела в чернильную бездну Вселенной, расплескавшейся на экранах обзора.

Его рука едва коснулась ее плеча.

– Саша...

– Иди ко всем Шиистам космоса, Линкс! – Она резко повела плечом, скинув его руку, и вышла.

* * *

Свое прозвище – Ледышка – лейтенант военно-космических сил корпорации «Генезис» Александра Эйзиз получила еще на офицерских курсах.

Сейчас, шагая по грязному, плохо освещенному коридору транспортного корабля, она невольно вспомнила те, ставшие уже далекими и нереальными, времена, когда, юный кадет, едва поступивший на службу в корпорацию, еще могла и хотела мечтать.

Корпорация. Это слово скрипело у нее на зубах. Огромная машина по производству денег и перемалыванию человеческих ресурсов. Она была виновна во всем, но понимание этого, увы, пришло слишком поздно, одновременно с тем страшным открытием, что война – это не парад, не карьера, не красивый симулятор, а грязь, кровь, пот, ужас, боль и страдания. Уничтожение сначала душ, а потом и тел. Повезло тем, кто умер, не распрощавшись со своим рассудком, но чаще всего происходило иначе – люди сначала сходили с ума, а уж потом умирали.

А начиналось все как красивая сказка.

Агенты корпорации не зря ели свой хлеб – они знали свою работу и были умелыми психологами. Представьте себе забытый богом, заштатный аграрный мир, где самая радужная жизненная перспектива состоит в увеличении стада мясных жабоклювов или еще какой-нибудь привитой к местным условиям инопланетной нечисти, и сразу же станет понятно, как легко и обильно собирали свою жатву эти агенты на таких мирах, как Омикрон-5, где сам факт посадки космического корабля был событием чрезвычайной, всепланетной важности.

С Эйзиз было именно так. Сейчас, спустя много лет, наевшись досыта этой «красивой» жизни, она особенно ясно осознавала, что как глупая телка пошла на убой, прямо в распахнутый зев той мясорубки, что, по ее тогдашним понятиям, имела название «настоящая жизнь».

После развала Конфедерации на дальней Окраине процветал совершенный махровый беспредел. Все старое, что хоть немного отдавало законом, было растоптано, и планетарные корпорации безраздельно царили в диком, едва освоенном человечеством пространстве, создавая и тут же разваливая экономические империи, высасывая ресурсы планет, монополизируя все, начиная от платных общественных сортиров и кончая глотком кислорода в твоём скафандре...

– Ледышка?..

Она вздрогнула, машинально подняв голову в поисках скрытого динамика интеркома.

Обшарпанные стены, сплетения побитых коррозией труб, толстые жгуты энергоцентра лей с безобразными следами какого-то давнего пожара... Корабль, на котором они летели, давно было пора списать в утиль, но он все еще трудился. «Звездолет-калека с командой калек... – горько подумала она. – Какая баснословная экономия».

– Да, Линкс? – ответила она, заметив наконец обшарпанную панель интеркома. Голос Саши вновь стал раздраженным, едва она представила, что он будет пытаться ее утешать. Но Линкс, похоже, и не думал о сочувствии...

– В седьмом отсеке поднялась температура. Зайди посмотри.

Саша нахмурилась.

– Сейчас не моя вахта, – напомнила она.

– Да, я знаю, но Андрей с Эрни заняты по горло. К тому же ты ближе всех. Зайди посмотри.

– Ладно, фрайг с тобой, Линкс.

Интерком работал только на аудиосистеме, его монитор был безнадежно испорчен, но Эйзиз даже без изображения знала, что в эту минуту делает ее бывший подчиненный. Он улыбался.

– Ты ублюдок, – безо всяких интонаций произнесла она, приблизив свои губы к крохотной сеточке встроенного в панель микрофона. Потом быстрым движением отключила прибор и зашагала прочь, в глубины сумеречного, скверно освещенного коридора грузовой палубы.

* * *

В ходовой рубке транспортного корабля, который наверняка помнил отгремевшую тысячу лет назад Первую Галактическую, было лишь немного чище и светлее, чем в остальных помещениях. Линкс сидел за подковообразным пультом управления и, не моргая, смотрел на звезды. Со стороны могло показаться, что он спит с открытыми глазами. На самом деле это было не так. Командир космического грузовика бодрствовал, но в данный момент находился под сильным воздействием низкосортного алкоголя.

Полчаса назад Саша назвала его ублюдком. Что ж, возможно, она права. Все они подпадали под это определение в той или иной степени. В мире не было той непогрешимой чистоты, о которой с детства твердили ему сначала в колледже, а потом и в высшей школе. Суровые времена – суровые нравы. Честно говоря, он до сих пор не мог понять логики своих родителей, которые упорно пихали его вперед, от одного учебного заведения к другому. И к чему это в конце концов привело? Он прилежно учился и был благодарен им, пока, заканчивая высшую школу, не получил однажды известия о космической бомбардировке родной планеты. Они погибли, и он, с трудом окончив последний курс, полным ходом влетел в ту самую взрослую жизнь...

...Двери рубки вдруг зашипели и рывками раздвинулись в стороны. В помещение, заметно прихрамывая, вошел Андрей Звягинцев. В боях на Омнабиусе он потерял ногу и кисть левой руки. Поговаривали, что он был из той элитной спецгруппы, что к чертям собачьим запалила тот паршивый, насквозь отравленный промышленными отходами мир, откуда по всей окраине шел импорт убийственного ЛСД сто пятого поколения, но сам Андрей на эту тему не распространялся, а на многозначительные подколы не реагировал. Вообще, по мнению Линкса, он был самым спокойным и уравновешенным членом их разношерстного экипажа, но как командир он одновременно придерживался и еще одной точки зрения. В тихом омуте черти водятся – так выражались предки, а к тысячелетнему историческому опыту цивилизации Линкс прислушивался если не всегда, то часто...

– Ну, что?

Андрей дохромал до второго кресла и грузно опустился в него.

– Вроде бы сделали... – сообщил он, переведя дух. – Протез чего-то барахлит... – поморщившись, пояснил он, подняв до колена испачканный маслом комбинезон, под которым обнажилась сверкающая хромистая сталь. – Эрни гоняет тест синхронизации двигателей. Если Железную Башку удовлетворит результат, то через пару часов можно прыгать.

– Ага... – многозначительно протянул Линкс, глядя, как Андрей ловко подцепил отверткой фиксатор кожуха, открыв внутренности протеза, где хитро сплелись между собой сервоприводы, жгуты проводки и тонкие прозрачные трубочки, по которым пульсирующими толчками, словно кровь в венах, продвигались порции машинного масла.

«Как же, жди, через два часа наш чудо-механик найдет еще кучу неполадок, и мы опять будем болтаться тут до второго пришествия», – беззлобно подумал Линкс. Эрни Рорих полу-

чил свое прозвище Железная Башка не только за металлопластиковый затылок, который он из принципа не закрывал никакой пеноплотью, а еще и за то, что в технических вопросах был упрям, до совершенно абсурдного педантизма. Все, за что он брался, рано или поздно начинало работать в его руках как положено, так что их транспорт, носивший гордое имя «Геракл», стал для него непаханым полем для индивидуального творчества.

Андрей, ковырявшийся в проводке протеза, поднял голову и, усмехнувшись, спросил:

– Слушай, Линкс, а Саша точно была в прошлом твоим командиром?

– Ну, допустим?.. А что тут такого?

Андрей опять усмехнулся, закрывая кожух протеза. Заботливо поправив ткань комбинезона, чтобы не был виден металл, он вдруг серьезно произнес:

– Не подшучивай над ней, Линкс. Мы мужики, а она женщина. Ей тяжелее.

Командир грузового корабля сокрушенно покачал головой.

– Ты придурок, Андрей. Если я стану ее жалеть, то через месяц она просто сойдет с ума. Когда человек теряет злобу, он теряет и волю, – спокойно пояснил Линкс. – Может быть, где-то есть миры, на которых все не так, но наша реальность именно такова. Либо ты комок нервов, либо труп. На войне как на войне...

Андрей исподлобья взглянул на него.

– Сам ты придурок... – огрызнулся он. – Война кончилась. Наша война кончилась, понимаешь?! – с внезапной яростью выдохнул он. – Что ты несешь?

Линкс встряхнул бутылку и потянулся за вторым стаканом. Андрей, застыв в напряженной позе, немигающим взглядом следил, как медленно оседает вихрь пузырьков за мутным стеклом.

– Наша война не кончилась... – Линкс разлил остатки по двум стаканам. – Она продолжается вот тут, – он согнул указательный палец и выразительно постучал по своей голове. – Там не бывает перемирий.

Андрей машинально взял протянутый стакан.

Его взгляд внезапно поблек, словно был направлен куда-то в глубь самого себя. По лицу Андрея промелькнула едва уловимая гримаса.

Линкс молча выпил и отвернулся. Он был прав, и все прекрасно знали об этом.

ГЛАВА 3.

Сектор Окраинных миров. Планетоид Везелвул...

Система Везелвул-12, откуда в открытый космос с маломощного, расположенного посреди болот передатчика ушел слабый сигнал тревоги и одновременно отчаянный призыв о помощи, была создана искусственно.

Впрочем, история одинокого планетоида, получившего столь мрачное название, началась задолго до этих событий и насчитывала уже несколько веков...

Когда-то, очень давно, три промышленных мира Окраины облюбовали одну из лун безымянной звездной системы для сброса и захоронения ядовитых химических отходов.

Это был период, когда Вторая волна Галактической Экспансии человечества докатилась до современных границ освоенного космоса. Десятки новых миров, колонизированных в течение одного столетия, бурно развивали свою промышленность. Начиналась эра экономического расцвета Конфедерации солнц, под эгидой которой осуществлялась колонизация новых территорий.

Естественно, что экономика Окраинных миров поначалу носила жесткий, потребительский характер. Богатые полезными ископаемыми недра являлись бесперебойными источниками сырья для стремительно развивающихся производств, и о вторичном использовании ресурсов в тот момент задумывались очень мало.

Несколько веков на планетоид сбрасывали свое содержимое транспортные корабли частных компаний. Сюда, как в отстойный колодец, валили все – и радиоактивные элементы, и отходы химических производств, и агрессивные органические соединения, выходявшие в виде побочных продуктов на некоторых биоклонных фабриках.

Наверное, в ту самую пору кто-то из экипажей транспортных кораблей, доставлявших на луну контейнеры с отходами, не то в шутку, не то всерьез назвал многострадальный планетоид Везелвулом. Почему сюда прилепилась цифра «двенадцать», уже не помнил никто, но название прижилось.

Такая «дружба» промышленных компаний со злосчастной луной продолжалась до тех пор, пока в систему звезды не пришел один из колониальных транспортов Конфедерации солнц.

Хуже того – колонисты облюбовали именно ту планету, на орбите которой вращалась загаженная луна. К тому времени Везелвул-12 уже обзавелся собственной атмосферой. Миллиарды тонн сброшенных на его поверхность высокотоксичных отходов на протяжении столетий, под воздействием излучения звезды, вступали в случайные химические реакции друг с другом, что неизбежно приводило к выделению побочных продуктов в виде ядовитых газообразных соединений.

Присутствие на орбите своей новой родины клубящегося серой дымкой кислотных облаков ядовитого планетоида явилось для колонистов весьма неприятным откровением. Они обратились за разъяснением в Центральные миры, чей картографический корабль исследовал систему несколько веков назад и дал заключение о ее пригодности к колонизации.

Разразился нешуточный скандал.

Именно с этого момента начинается краткий миг популярности Везелвула. Несколько лет к этому невзрачному ядовитому миру было приковано внимание репортеров ведущих информационных компаний Галактики.

Те фирмы, что начинали сброс отходов, давно уже перестали существовать, и в царящей на Окраине экономической и политической неразберихе трудно было найти истинных инициаторов и виновников загрязнения луны.

Тогда и возник проект «Везелвул».

Чтобы погасить скандал, злосчастный планетоид решено было попросту удалить с орбиты колонизированной планеты. Совет Безопасности миров, взяв луну под личную опеку, финансировал все работы по пространственному перемещению Везелвула и его дальнейшей очистке.

Экономическая мощь Конфедерации солнц получила достойную рекламу в проекте, который называли «первым опытом планетарной инженерии».

По мнению специалистов, станции переработки способны были справиться с проблемой ядовитой атмосферы за тридцать стандартных лет Галактического календаря. Одновременно на Везелвуле предполагалось возвести комплексы вторичной переработки отходов для извлечения из них так называемых редкоземельных элементов.

Затем Везелвул предполагалось продать с аукциона, создав тем самым прецедент для дальнейшего развития планетной инженерии.

Все описанные события происходили несколько веков назад.

Планетоид действительно увели от новой колонии и запустили в полет по эллиптической орбите вокруг светила системы. Однако в расчеты каким-то образом вкралась ошибка, и своевольный планетоид не захотел занять уготованного ему места. Скорость убегания оказалась слишком высока, и уже через год после начала проекта стало очевидно, что Везелвул просто покинет систему, превратившись в свободно летящее космическое тело.

Последней попыткой спасти проект стала идея разжечь на орбите упрямого планетоида искусственное солнце, но эти усилия оказались напрасными – хотя Везелвул и обзавелся собственной маленькой звездой, но превратиться в цветущую планету ему не было дано ни сейчас, ни в обозримом будущем – назревающее противостояние между молодыми планетами Окраины и Центральными Мирами заставили Конфедерацию Солнц временно приостановить все проекты, связанные с крупными капиталовложениями в сектор пограничного космоса.

Печально известный «Эригонский кризис» привел к упадку и в конечном итоге – самороспуску Конфедерации. После того как прекратил свое существование Звездный Патруль, Совет Безопасности миров, превратился в чисто номинальный институт межпланетного права. Не обладая былыми возможностями Совет Безопасности уже не мог предотвратить череду междоусобных войн на Корпоративной Окраине.

Среди перечисленных потрясений, которые пережила Обитаемая Галактика, продолжал свой полет небольшой планетоид с громким и мрачным названием «Везелвул».

Теперь, после передела корпоративной собственности, на нем хозяйничала колониальная администрация, объединившая под своей властью почти все обитаемые миры Окраины. Помимо старого космопорта, который имелся на планетоиде еще со времен Конфедерации солнц, унылый ландшафт Везелвула украсил комплекс зданий колониальной тюрьмы да небольшой поселок, где жили специалисты, обслуживающие несколько атмосферных процессоров да основные системы космического порта.

О нем не забывали, но и былого внимания Везелвулу уже не уделялось. Иные сенсации занимали первые полосы электронных газет и лучшее эфирное время в галактических новостях. Хотя изредка среди прочего потока сообщений о событиях в Галактике нет-нет да и появлялись короткие репортажи о самоотверженной работе планетарных инженеров на проклятом Везелвуле.

Как правило, в таких репортажах показывали ревущие станции переработки атмосферы, свежие лесопосадки и экзобиологов в защитных скафандрах, ведущих затяжную борьбу с токсичными болотами. Колониальная администрация в таких видеороликах представляла перед зрителями новостей в самом выгодном для себя свете.

На фоне барражирующих в атмосфере транспортных шаттлов, сбрасывающих в болотные топи контейнеры с деактиваторами, какой-нибудь репортер скупно рассказывал о мужестве людей, что пытаются превратить отравленную клоаку в будущий рай...

...И ни слова о комплексе зданий колониальной тюрьмы строгого режима. Как будто бы ее не было вовсе.

* * *

Везелвул, 13 мая 3781 года

Комплекс зданий колониальной тюрьмы строгого режима

В отличие от репортеров галактических новостей Николай фон Риттер был убежден в обратном. То сооружение, что он только что покинул, являлось самой натуральной тюрьмой.

Он не понимал, где находится и что происходит вокруг.

Первое, что он почувствовал, сделав шаг за выбитую дверь, у которой ветер намел голубоватый сугроб, был жесточайший спазм удушья.

Отпрянув назад, в спасительную глубину изуродованного и окровавленного коридора, он мучительно закашлялся. Ощущение было такое, словно в его легкие вонзился миллиард иголок.

Только теперь он, кое-как отплевавшись, обратил внимание на изморозь, покрывавшую стены коридора у входа, и свистящий сквозняк.

Атмосферное давление на улице оказалось катастрофически низким.

Объяснять Николаю, что такое удушье, помноженное на абсолютный ноль космического пространства, было бы глупо. На своем коротком веку он в достатке видел тех смертей, причиной которых были взорвавшиеся легкие или моментальное обморожение.

Скорчившись и натянув на лицо толстый ворот синтетического свитера, он поспешил обратно со всей скоростью, на какую оказались способны его ватные ноги.

В клубах пара ворвавшись в дверь караульного помещения, он рухнул на пол, содрогаясь от очередного приступа удушливого кашля.

В щель под плотно притворенной дверью со свистом вырывался воздух. Этот тихий заунывный звук показался Николаю столь зловецким, что заставил его собрать все силы, чтобы распрямиться и сесть.

То помещение, где он укрылся, не было герметичным. Значит, ему грозила смерть от удушья.

Взгляд Николая obeжал мертвый пульт управления. Со сдавленным стоном он встал, стараясь удержать равновесие. Затем, одной рукой опираясь на пульт, он начал распахивать те встроенные шкафы, до которых мог дотянуться.

В голове фон Риттера металась злая обрывочная мысль.

«Где я, фрайг побери, нахожусь? – думал он, вытряхивая из шкафов бесполезные в его ситуации вещи. Здесь было все – начиная от бронежилетов и кончая теплой одеждой, но в данный момент его интересовал только один вид экипировки – скафандр. Но вот этого как раз в комплекте караульного помещения и не предусматривалось. – Значит, я на планете, – сделал он очевидный вывод. – На космическую станцию не похоже».

Распахнув створки очередного шкафа, он увидел аккуратно сложенные спецкостюмы из серебристого металлизированного материала с уложенными поверх каждого комплекта прозрачными пластиковыми шлемами. Трубки и шланги, торчавшие из них, говорили в пользу того, что они снабжены дыхательными аппаратами.

Развернув один из таких комплектов, Николай убедился, что его радость при виде серебристой ткани была преждевременна. Скафандрами тут и не пахло. Это были костюмы химической защиты.

«Что ж, на безрыбье, как говорится...» – подумал он, натягивая костюм поверх теплой одежды. Автономный запас кислорода и относительная герметичность ткани давали ему хоть

какой-то, мизерный шанс выбраться из этого здания, где через несколько часов уже будет нечем дышать...

Естественно, системы терморегуляции в костюме не было. Николай огляделся. Судя по обилию теплых вещей, тут бывали суровые зимы. Не раздумывая о том, как он будет выглядеть, фон Риттер закрыл прозрачный шлем и принялся натягивать поверх серебристой ткани теплую одежду. В дополнение ко всему он натянул прямо на шлем одну за другой три спецназовские шапочки, закрывавшие всю голову, включая лицо. В них была лишь прорезь для глаз.

Нашлась в караулке и пара теплых перчаток.

В конце концов ему стало тяжело и неудобно наклоняться. Поймав свое отражение в глубинах полированной поверхности пульта управления охранными системами тюрьмы, фон Риттер только покачал головой, которая в тот момент была похожа на вязаный шар.

Он не сомневался, что граждане этой планеты разбегутся при одном виде вооруженного импульсной винтовкой пугала. Впрочем, ему было не до шуток. Николай торопился. Он не знал, что происходит вокруг, но засевший в груди кашель, помноженный на личный опыт, говорил ему, что воздуха снаружи совсем мало. Так что он не завидовал тем людям, для кого данный мир являлся домом, справедливо полагая, что если их не постигла участь мертвого охранника тюрьмы, то каждый из них в данный момент озабочен собственным выживанием и до очнувшегося не к сроку заключенного никому не будет равным счетом никакого дела.

Он не собирался никого убивать без веских на то причин. Единственное, что в данный момент заботило Николая, – это обогреваемое герметичное помещение и любая информация о том месте, куда занесла его злая и капризная судьба...

Конечно, он не надеялся на легкую прогулку и приятный разговор на улице со случайным прохожим, но Николаю показалось, что, упав у выхода из здания, он, прежде чем загнуться от боли в обожженных морозом легких, видел невдалеке освещенное прожекторами покатоое здание космопорта.

Если тут осталась хоть какая-то жизнь, то она наверняка сосредоточена именно в том здании. Так что особого выбора у него не было.

С этими мыслями он вторично распахнул дверь в ведущий наружу коридор и побежал так быстро, насколько ему позволили три слоя теплой одежды и затесавшийся между ними костюм химической защиты.

* * *

Небо на улице оказалось зловещего фиолетово-черного оттенка. Немигающие звезды сияли на нем ярко и надменно. Единственное, за что зацепился изумленный взгляд Николая, было расплывчатое красноватое пятно округлой формы, величаво плывущее меж голубых карбункулов далеких светил.

«Если это звезда, то она потухла...» – метнулась в его голове довольно абсурдная мысль. И вслед за ней пришла еще одна, не менее эксцентричная догадка. Судя по той скорости, с какой пятно ползло по небу, преодолевая свой путь от горизонта до горизонта, нетрудно было догадаться, насколько мал радиус планетной орбиты. Но если это так, подумал Николай, изо всех сил пробираясь сквозь рассыпчатые голубые сугробы по направлению к манящим огням космопорта, то звезда слишком маленькая... Такой крохе не удержать планету на своей орбите...

Вывод напрашивался сам собой. При таком очевидном несоответствии масс не планета должна вращаться вокруг звезды, а звезда вокруг планеты...

Это абсурдное на первый взгляд предположение выглядело совсем не смешно...

Николая, несмотря на царящий вокруг холод, внезапно бросило в жар, потому что он знал, что в Галактике существует одна-единственная система с подобными параметрами.

Это был пресловутый Везелвул-12 – отравленная токсичными отходами луна, вокруг которой специалисты Конфедерации еще в незапамятные времена заставили вращаться небольшое термоядерное солнце.

«Если это Везелвул, то мне как...» – тоскливо подумал фон Риттер, преодолевая очередную сугроб.

Несмотря на импровизированный трехслойный скафандр и постоянные физические усилия, его начал пробирать холод.

«Не отчаивайся, парень... – со злым юмором твердил про себя Николай, – чем тебе не криогенная камера... Хрен редьки не слаще, как говорил незабвенный прадед...»

Перевалив через снежный завал, он понял, что попал на самый край чуть вогнутой стеклобетонной плоскости стартопосадочного поля.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась лишь мрачная, освещенная прожекторами и звездами пустынная голубая равнина. Это зрелище простирающейся в никуда унылой плоскости никак не устраивало замерзающего насмерть беглеца, и он нервно обернулся. Резкое движение принесло боль в заледеневших суставах, но внезапный приступ агорофобии моментально прошел – справа от него маячили темные одноэтажные здания складских терминалов, а слева гордой сумеречной громадой возвышался расцветенный габаритными огнями космопорт.

Николай не задумываясь повернул к космопорту.

Бежать по запорошенному снегом стеклобетону стартовой плиты оказалось значительно легче, чем по заваленным сугробами улицам замерзшего поселения. Однако здесь его подстерегали неприятности иного рода. Поравнявшись с терминалами, которые щерились в свете прожекторов осколками стекла в выбитых окнах, он внезапно споткнулся обо что-то твердое. Перелетев через голову, Николай рухнул лицом в снег, словно куль, и несколько секунд барахтался в своей неуклюжей одежде, тщетно пытаясь подняться. Наконец ему удалось встать на четвереньки.

Оглянувшись, он увидел, что споткнулся о треногу перевернутого импульсного орудия. Голубоватый снег вокруг был заляпан кровью.

Пока он барахтался в снегу, его рука наткнулась на что-то не такое твердое, как станина плазменной пушки. Машинально уцепившись за этот предмет, он вдруг понял, что выволок из-под снега почти что мертвое лохматое существо. Николай инстинктивно отпрянул, разжав пальцы, и вскочил...

Сердце гулко ухнуло в груди.

«Пес... Обыкновенный мертвый замерзший пес...» – успокоил себя фон Риттер, отступая на шаг. В некоторых вопросах ему явно не хватало хладнокровия своего знаменитого прадеда.

Пока он пятился, мертвое, по его мнению, животное вдруг с трудом открыло один глаз.

В угасающем взоре собаки, заживо погребенной под снегом, было столько мольбы и укора, что Николай не выдержал. Теряя драгоценные секунды, он вернулся, поднял тощее лохматое существо и, прижимая его к себе вместе с импульсной винтовкой, из последних сил побежал к многослойным прозрачным дверям, за которыми виднелся ярко освещенный холл космопорта.

* * *

Здание космопорта встретило его гулкой, гнетущей и в то же время настороженной тишиной.

Когда за спиной Николая сомкнулись прозрачные створки автоматических дверей, он, вместо того чтобы облегченно вздохнуть, ощутил внезапный приступ острого страха.

Идти было больно и неудобно. Ледяной холод, казалось, засел в каждой клетке его организма, а одежда, которая на улице казалась благом, внутри здания вдруг превратилась в настоящие оковы.

Он споткнулся, едва удержав равновесие. Импульсная винтовка и неподвижное тело собаки тянули к земле неподъемным грузом. Организм Николая слишком ослабел после длительного гиперсна и неожиданной реанимации, чтобы он мог без каких-либо последствий совершать пробежки по сугробам замерзающей планеты.

Николай остановился в сотне шагов от прозрачных дверей, которые, к его счастью, закрылись вполне герметично. Положив на пол заиндевевшее тело собаки, он осмотрелся.

Космопорт производил впечатление очень старой постройки, за состоянием которой следили весьма небрежно. Взгляд Николая пробежал по блеклой зелени уже порядком выцветших и очень грязных искусственных пальм, с разлапистых листьев которых свисала не многолетняя, а скорее многовековая пыльная паутина. Однако воздух холла не имел стойкого запаха затхлости, скорее, наоборот, в нем присутствовало что-то сладковатое, тревожащее обоняние и память.

Взгляд Николая скользнул дальше и остановился на огромном рекламном плакате, украшавшем одну из стен...

«Летайте космоланами Конфедерации», – ненавязчиво предлагала юная особа, на лице которой краска вздулась и потрескалась.

Теперь Николай уже почти не сомневался, что попал именно на Везелвул. Где еще мог сохраниться такой рекламный щит? От Конфедерации солнц остались одни ностальгические воспоминания, и только возведенные за счет Центральных миров великолепные здания космических портов напоминали о былой мощи звездного союза, однако на населенных планетах такие помещения выглядели совсем иначе... Только Везелвул да, быть может, еще пара покинутых людьми миров могли сохранить такой артефакт в нетронутom виде...

Николай пошатнулся, уцепившись за кресло.

Интерьеры огромного безлюдного холла вдруг поплыли перед его глазами... Он чувствовал, как тело под веригами одежды сотрясает озноб. Его лицо, спрятанное под пластиком шлема, пылало жаром...

Не в силах больше идти, он медленно опустился на пол.

Средь окружающей его настороженной тишины пустого здания вдруг прозвучал далекий, но отчетливый вопль. Николай хотел бы отреагировать на этот затронувший воображение звук, но не мог. С каждой секундой ему становилось все хуже и хуже – дурнота накатывала ледяными волнами озноба, от которого лязгали зубы и мутилось сознание, хотя одновременно он ощущал, как горит его кожа от поднимающейся температуры.

Действуя почти бессознательно, он стал непослушными пальцами расстегивать одежду. Перед глазами покачивался, уплывая в жаркий туман, огромный рекламный плакат с улыбающимся лицом юной фотомодели.

А за окном продолжал медленно падать холодный колючий голубой снег. Да еще по пространству огромного холла перемещались какие-то странные сгорбленные тени... Но Николай уже не видел их.

Он провалился не то в беспамятство, не то в горячечный болезненный сон... Импульсная винтовка медленно сползла с его колен и глухо стукнула об пол поцарапанным пластиковым прикладом...

* * *

...Вопль, что слышал Николай, принадлежал человеку.

Он был не один. Разношерстная группа из семи-восьми человек отступала в глубины космического порта планеты.

Тот, что кричал, уже был мертв – он лежал в широком, ярко освещенном коридоре перед дверью с табличкой «Залы управления. Посторонним вход воспрещен». Его горло, порванное ударом мощной когтистой лапы, истекало кровью.

Именно дразнящий запах крови остановил группу следовавших за людьми существ. Они задержались возле трупа, который, неестественно вывернув голову, лежал на полу, протянув руки к двери, электронные замки которой были выбиты выстрелами из импульсного оружия, и сгрудились над мертвым человеком.

Внезапно из глубин коридора показался человекоподобный робот. Он шел уверенным размашистым шагом. Дойдя до своры хрипящих и издающих невнятные звуки гуманоидных существ, он попытался пробиться сквозь толпу, чтобы оказать помощь лежавшему на полу человеку, но был отброшен к стене небрежным раздраженным ударом.

– Господа, – безо всяких интонаций произнес андроид, – моя обязанность оказать помощь пострадавшему. Разрешите мне осмотреть его...

Одно из существ обернулось на голос.

Несомненно, когда-то он или, возможно, его предки, были людьми, но внешний вид существа, его лохмотья, из-под которых торчали участки заскорузлого, никогда не мытого тела, горящие бешеным кровожадным огнем глаза и явно выраженное в них тупоумие говорили о том, что он не мог принадлежать ни к персоналу космопорта, ни к каким-то другим анклавным учреждениям Везелвула...

– Хх-х-рр...

– Не понял вас, сэр? – Андроид вопросительно склонил голову к низкорослому существу.

Удар заточенного металлического прута, пробивший лицевую пластину андроида, оказался так силен, что, войдя меж двух видеокамер, пригвоздил конвульсивно дергающегося робота к пластиковой облицовке стены.

Во все стороны снопами ударили искры. Низкорослый гуманоид равнодушно обернулся и тут же с рычанием кинулся в самую гущу кипящей над телом мертвого человека свалки.

Он был очень зол и голоден...

* * *

Группа людей, которым удалось скрыться за массивной дверью, представляла собой плачевный образец сформированного силой обстоятельств деморализованного подразделения.

Только двое из них имели какое-то понятие о боевых действиях, остальные были либо учеными, либо техниками.

В данный момент они остановились посреди огромного зала, все пространство которого занимали сотни компьютерных терминалов. На куполообразном своде проецировалась карта звездного неба. В зените среди ярких серебристых точек располагался покрытый коростой шар нездорового тускло-красного цвета.

– О господи!.. Великий боже! – заголосил один из беглецов, непослушными руками отмахиваясь от пытающихся удержать его товарищей. – Гренвуд! Он остался там, за дверью!..

Хлесткий удар по лицу заставил его замолчать, подавившись очередным воплем.

– Ваш товарищ умер!.. – бесцветным от усталости голосом произнес один из солдат. – Прекратите истерику, доктор, иначе мы все последуем в ад!

Тот, кого называли доктором, поник. Его лицо приняло обреченное выражение, но пунцовый румянец, проступивший на щеках, говорил о рвущихся наружу чувствах. Внезапно он не выдержал и разрыдался, сотрясаясь всем телом, словно в конвульсиях.

– Бред... Это не со мной... Этого не может быть!..

Сержант, который держал вход в аппаратный зал под прицелом импульсной винтовки, прикрывая тем самым отход группы, резко обернулся.

– Джимми, приведи его в чувство! – приказал он своему единственному подчиненному, заметив, что истерика у незнакомого ученого, одетого в нелепый темно-синий с серебристыми блестками костюм, только усиливается с каждой секундой.

– Не надо! Он сейчас пойдет! – вступился за доктора рослый техник, облаченный в порванную и испачканную кровью униформу космодромной obsługi.

– Док, успокойтесь, прошу вас! – он пытался говорить как можно тише, но из пересохшего горла вырывались визгливые и нервные слова, больше похожие на крик. – Только вы теперь имеете доступ к программированию установки термоядерного синтеза! – Не уповая на действенность слов, он схватил доктора за грудки. – Нам нельзя терять время, слышите! – выкрикнул он, перекрыв своим голосом судорожные рыдания ученого. – Осталось немного, пост управления уже рядом, в конце этого зала!

Остальные стояли вокруг в полной растерянности. Из гражданских лиц в отряде оказались еще трое офисных служащих, состояние которых было ничуть не лучше, чем у Фрамера. Двое солдат, один из которых носил форму сержанта планетарной гвардии, стояли особняком у чуть приоткрытой двери.

Все без исключения казались до предела измученными. Глядя на маленькую деморализованную группу людей, нетрудно было понять, что они столкнулись с непосильными проблемами.

Впрочем, стоило поразмыслить, и этот факт уже не казался столь вопиющим. Дело в том, что пресловутый Везелвул-12 никогда не входил в списки курортных планет, работа на которых сама по себе представляла отдых. Эти люди оказались на маленьком, летящем среди бездн пространства шарике либо по принуждению, либо соблазнившись высоким заработком, что сулила им корпорация. Но и в том и в другом случае они морально готовили себя к трудностям серой, невзрачной жизни, суровой природе и отсутствию многих привычных удобств.

Однако никто из них: ни солдаты, ни техники, ни ученые – не могли предположить, что возможно такое...

Их серому монотонному существованию пришел конец двое суток назад, когда солнце Везелвула вдруг начало необъяснимым образом гаснуть.

В первый момент, когда стало ясно, что это не обычный сбой, с которым вполне могла справиться автоматика, управляющая искусственным солнцем, а настоящая, огромная проблема, население Везелвула охватила паника.

Для нее был вполне конкретный и обоснованный повод, который заключался в полной безвыходности их положения. Из-за присутствия на планете колониальной тюрьмы на стартовых площадках космопорта не было запарковано ни одного пригодного для космического перелета корабля. Раз в месяц сюда прилетал транспорт корпорации «Генезис», который доставлял продукты, медикаменты, новых служащих и заключенных. Шаттлы с такого транспортного челнока бомбили ядовитые топи контейнерами с дезактиватором, и он улетал, чтобы появиться вновь спустя определенный срок. Такая политика была призвана свести к минимуму риск побега с планеты. Касалась эта предосторожность только преступников или всего персонала Везелвула, оставалось только гадать...

Но отсутствие кораблей для эвакуации с планеты было лишь одной из причин, что заставляла обезумевших людей метаться по коротким улочкам невзрачного поселка в поисках спасения. Вторая причина стихийной паники заключалась в том, что по какому-то роковому стечению обстоятельств именно в этот момент Везелвул остался без связи – станцию Гиперсферной Частоты за несколько дней до катастрофы остановили на плановый ремонт...

Ледяной холод охватил планету, и это лишь подстегнуло страшную развязку. Со стороны ядовитых болот на поселок двинулись мутанты, которых он согнал с насиженных мест.

Эти твари давно уже стали обычным явлением для Везелвула. Дело в том, что несколько столетий назад до возникновения современных поселений тут уже велись работы по очистке. Конфедерация солнц, которая начинала эти работы, не отличалась особой оригинальностью в решении проблемы рабочей силы. Задолго до сегодняшних событий здесь уже функционировали несколько колониальных тюрем. Заключенные, которые занимались возведением космопорта, первыми начали атаку на болота, в результате Эригонского кризиса все работы были свернуты, поселения законсервированы, про Везелвул на некоторое время забыли, а когда о нем вспомнила набирающая силу колониальная администрация Аллора, то посланный сюда разведывательный корабль обнаружил в отравленных болотах многочисленные поселения странных голубокожих существ, отдаленно напоминавших людей.

Это были мутанты, одичавшие и деградировавшие в радиоактивных болотах потомки тех заключенных, кто решался совершить побег, еще в самом начале освоения Везелвула.

Сам факт существования этой удивительной с точки зрения генетики и экзобиологии популяции существ мало тревожил представителей «Генезиса», которые около полувека назад возобновили разработку радиоактивных свалок планетоида. Ко времени описываемых событий мутанты стали явлением повсеместным, особенно для огромных орбитальных промышленных комплексов, поэтому их присутствие на Везелвуле было воспринято как факт, не более того. Пока они «варились в собственном соку» на территории неосвоенных болот, власти Везелвула обращали на них столько же внимания, сколько уделялось камням, в изобилии торчащим среди отравленных топей. По-настоящему проблемой мутантов занималось лишь несколько постоянно действующих научных станций, где работали экологи и экзобиологи колониальной администрации. Все их работы финансировал «Генезис», и это являлось одним из пунктов молчаливого, негласного компромисса между прежними властями Аллора и корпорацией.

Такое положение сохранялось до того момента, когда солнце Везелвула начало стремительно угасать, погружая планету в ледящий мрак космической ночи.

Удар обезумевших от холода существ буквально смел небольшой городок, и лишь малой части его обитателей удалось прорваться к космопорту, укрывшись в его стенах...

Доктор Генри Фрамер оказался одним из этих «счастливицев»...

...В приоткрытую дверь внезапно протиснулась отвратительная, изуродованная не то природой, не то жуткими шрамами морда мутанта.

Сержант выстрелил навскидку, и голова дернулась. Существо молча сползло по косяку, оставив на внутренней поверхности двери длинный кровавый след.

– Уходите! – крикнул сержант. – Делайте свое дело, а мы их задержим!

Он и техник, которого звали Грегор, обменялись быстрыми выразительными взглядами. Ни слова не говоря, Грегор схватил доктора в охапку и поволок в сторону овальной бронированной двери.

Сзади раздались скупые, экономные выстрелы.

– Я не могу!.. – Доктор попытался вырваться из могучих объятий, но все оказалось бесполезно. – Я никогда тут не был!.. Да поймите же, мой допуск – это фикция, перестраховка, на тот случай, если...

Он не договорил, потому что Грегор добежал до двери и остановился. Видимо, этот невзрачный серый овал брони находился под контролем каких-то особенных систем, потому что вокруг внезапно вспыхнул злобный красный свет и в стене открылась ниша, откуда с жужжанием выдвинулся сканер.

Все невольно отступили назад, оставив доктора один на один с этой штукой, которая застыла, нацелившись на его правый глаз.

– Действуйте, док! – Грегор слегка подтолкнул его к сканеру и тоже отступил на шаг. – Наступил именно тот самый случай!

Доктор все еще колебался. Наконец, решившись, он почему-то прищурил левый глаз и нагнулся, приложившись правым к окошку сканера.

На индикационной панели возле двери что-то изменилось в узоре сигналов, и бронированный овал начал открываться, уползая в стену. Одновременно с этим из скрытого динамика прозвучала стандартная формулировка допуска:

– Доктор Гентри Фрамер, сканирование сетчатки окончено. Ваши полномочия подтверждены.

– Что... Что я должен сделать?!

– Идите внутрь и не закрывайте дверь, – подсказал Грегор. – Там всего один компьютерный терминал. Я буду разговаривать с вами отсюда...

– Хорошо... – Казалось, что Фрамер вдруг нашел в себе какой-то скрытый до сих пор запас мужества и шагнул вперед...

– Мой бог!.. – раздался из-за стены его вопль. – Грегор, ради всего святого! Здесь человек! Он застрелился!

– Доктор, возьмите себя в руки! Мне нужно войти, а я не смогу сделать этого без вашей помощи. Не смотрите на труп! Подойдите к правому крылу пульта, там расположена вспомогательная сенсорная клавиатура. Перед ней экран. Что вы там видите?

– Ничего! – раздался изнутри помещения глухой голос. – В углу экрана мигает надпись «Резерв»!

– Отлично! Наберите на клавиатуре код: «А648ХТ12».

– Набрал, – спустя некоторое время вновь раздался голос доктора. – Появилась надпись «Терминал подключен»... – растерянно добавил он.

– Теперь найдите строку «Допуск» и добавьте к ней тот же самый код, – приказал Грегор, который был обучен этим действиям на тот случай, если произойдет нечто непредвиденное...

– Хорошо... – судорожно сглотнув, ответил Фрамер.

Через несколько секунд красный свет около дверей погас.

– Док временно снял ограничение допуска! – возбужденно пояснил техник, обернувшись к остальным. – У нас есть ровно мину...

Он не договорил.

Из-за пультов управления выскочила фигура сержанта. Резко обернувшись, он взмахнул импульсной винтовкой, впечатывая удар приклада в обнаженную мускулистую грудь своего преследователя.

Тошнотворный хруст проломленной грудной клетки смешался с жутким воем. Человек (если так можно назвать существо двух с половиной метров ростом, в морщинистом лбу которого среди складок кожи прятался единственный глаз) резко взмахнул рукой, в судороге полоснув сержанта по плечу когтями. Черная ткань униформы моментально лопнула, словно ее распороли бритвой, и из открывшихся ран хлынула кровь.

Сержант отпрянул, смертельно побледнев, а гуманоид, истошно завывая, ринулся на оторопевших, парализованных ужасом людей.

Не растерялся только Грегор. Подхватив теряющего сознание сержанта, он поволок его в открытый дверной проем.

На пороге техник обернулся в надежде спасти еще кого-то, но это оказалось невозможно. От обилия пролитой на пол крови ему стало плохо.

Ощущая себя убийцей и сотрясаясь от крупной нервной дрожи, он ударил ладонью по расположенному с внутренней стороны проема выключателю, и овальная бронированная плита медленно поползла назад.

Пока она заполняла проем, Грегор не отрываясь смотрел, как смертельно раненный монстр догнал последнего из служащих, который, истошно крича, метался между пультами.

Озверевший от боли и уже ощутивший дыхание смерти мутант убил его одним коротким ударом...

Бронированная плита закрылась.

* * *

Помещение оказалось достаточно тесным и представляло собой обыкновенный отсек размером три на четыре метра.

Доктор Гентри сидел на полу, забившись в угол и обхватив голову руками. Рядом с ним в кресле лежал раненый сержант.

Труп неизвестного, который до этого занимал место за приборными панелями, Грегор оттащил в противоположный от доктора угол и накрыл листом отодранной от стены пластиковой облицовки.

– Тебя как зовут, сержант? – не оборачиваясь, спросил он. Пальцы техника с завидным проворством сновали по двум сенсорным клавиатурам, словно он был пианистом, исполняющим одновременно два совершенно разных произведения. Было видно, что ему не по себе, но Грегор, насмотревшись на доктора, тщательно скрывал свой собственный страх.

– Сергей... – тихо выдавил бледный от потери крови сержант.

– Ты знаешь, что произошло? – спросил Грегор, не отрывая глаз от контрольных мониторов. Он вдруг подумал о том, что они пять часов провели вместе, выбираясь из подвальных уровней космопорта к его вершине, и даже не успели узнать имен друг друга.

– Понятия не имею... – хрипло выдавил сержант. – Мы только заступили в караул на дальней Зоне, когда погасло солнце... – Очевидно, что посетившее его воспоминание оказалось очень ярким и впечатляющим, потому что на бледных щеках Сергея выступили пунцовые пятна. Он попытался пошевелиться, но это ничтожное усилие лишь вырвало из его горла хриплый стон да на наспех сделанной повязке проступили влажные пятна крови.

На этот раз Грегор обернулся.

– Доктор, мать твою, у нас раненый! Хватит давиться слезами!..

Странно, но его гневный окрик никак не подействовал на съжившегося в углу человека.

– Я доктор, но только химических наук... – раздался глухой голос из-под закрывавших лицо Гентри ладоней. – Консультант, понимаете? Меня запихнули сюда... Я не хотел лететь на этот чертов Везелвул...

– Так ты не врач?

– Нет!.. Я понятия не имею о медицине! Оставьте меня в покое, прошу вас!

– Знаешь что, док, – Грегор на мгновение оторвался от своего занятия и повернулся вместе с креслом. – Мы теперь в одной упряжке, и не имеет значения, хотел ты лететь сюда или нет. Если не будем помогать друг другу, то подохнем, понимаешь?

Гентри оторвал ладони от опухшего лица.

– Мы все равно умрем, – тихо, но очень убежденно произнес он. – И не имеет значения, случится это сейчас или несколькими днями позже. Все, кто попал на Везелвул, обречены...

– Ты что несешь? – Грегор резко обернулся. Его уже начал доставать замогильный тон доктора.

– Я знаю, что говорю... – глухо повторил Фрамер, отняв ладони от покрасневшего лица. – И он тоже знал... – Доктор кивнул в сторону трупа, прикрытого листом пластиковой облицовки.

Очевидно, эти слова сильно подействовали на воображение техника. Он смертельно побледнел.

– Так-так... – Он старался скрыть свое волнение, но не смог этого сделать, отчего голос Грегора заметно дрогнул. – Значит, вы в курсе, док? Кто он такой и почему валяется в резервном отсеке контроля термоядерного синтеза с дыркой в голове? – требовательно спросил он.

– Ничего мне не известно, – раздраженно отмахнулся от него Гентри. – Просто я знал этого человека...

– Ты думаешь, он погасил солнце?! – не унимался Грегор.

Не дождавшись немедленного ответа, техник отвернул край пластикового листа и взглянул на обезображенную голову трупа.

– «Генезис»... – это слово сорвалось с губ доктора, словно редко произносимое вслух проклятие. Он не отвечал на вопрос Грегора, а просто разговаривал сам с собой. Очевидно, что Фрамер уже дошел до той степени морального и физического изнеможения, когда реальность начинает отодвигаться, уступая место полубредовым видениям.

– Что «Генезис»? – не разобрав его фразы, раздраженно переспросил Грегор. – На нас напали мутанты, а не корпорация, – зло отчеканил он, возвращаясь к прерванной работе.

Вместо доктора на последний вопрос техника ответил сержант. До сих пор он молча слушал их диалог, плотно сомкнув глаза и весь отдавшись внутренней боли, но после последней фразы Грегора по его губам скользнула едва заметная усмешка.

– Ты что, с луны свалился, Грегор? – хрипло и удивленно спросил он. – Ты разве до сих пор не понял, что Везелвул – планета смертников?.. – сержант закашлялся, сплюнув кровавый сгусток. – И мутанты, и болота – все это политика «Генезиса»...

– Нет... – растерянно ответил техник.

– Говорят, что ядовитые болота Везелвула – это огромная, возникшая естественным путем химическая фабрика, понимаешь... природный химический реактор, который производит чистейший селений...

– Да ты с ума сошел! – недоверчиво воскликнул Грегор, на мгновение оторвав пальцы от клавиатуры.

– Хотелось бы... – едва слышно прошептал сержант.

На некоторое время в тесном отсеке повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь сдавленным попискиванием сигналов на контрольных панелях.

– Да байки это все... – не очень уверенно произнес техник, возвращаясь к прерванной работе.

От этих слов техника доктора Фрамера передернуло.

– Ну конечно... – с оттенком сарказма произнес он. – Вам все невдомек. Хорошо сидеть в стенах космопорта. Здесь, по крайней мере, не видно всей дряни, что творится с легкой руки «Генезиса»... Мне искренне жаль тех экологов, что только зря мучаются в болотах... – вздохнул он.

– Это почему? – поинтересовался Грегор, которого в данный момент больше занимала проблема погасшего солнца, чем странные откровения доктора Фрамера, но все же он машинально продолжал слушать.

– Я являлся консультантом по обслуживанию атмосферных процессоров, – глухо ответил Гентри, – и могу сказать, что они уже много лет работают на двадцати пяти процентах своей расчетной мощности. Этот факт трудно объяснить с точки зрения здравого смысла. Если бы компания приказала вывести их на расчетный показатель, то атмосфера Везелвула была бы очищена лет двадцать назад. Просто они не хотят этого. Они искусственно держали Везелвул в таком адском состоянии, чтобы никто, никакие поселенцы не сунули сюда нос. Им удобно разрабатывать болота руками заключенных. – Доктор Фрамер откинул голову, упершись затылком в холодный материал стены, и продолжал говорить, закрыв глаза. – Из года в год тут поддерживается определенный химический баланс. В атмосфере можно дышать, но только в районах станций переработки. Болота могли быть очищены, мутанты уничтожены или переселены...

все можно было сделать, но тут происходят обратные процессы... – Фрамер осекся, словно испугавшись собственного откровения. Очевидно, что он впервые выражал вслух собственные мысли относительно политики корпорации, поэтому ему стоило определенных усилий переступить незримый внутренний барьер страха и закончить начатую фразу: – Транспортные корабли, что прибывают сюда, сбрасывают в болота контейнеры с химическими элементами... – признался он.

– Ну и что? – насутился Грегор. – Это общеизвестный факт. Химические дезактиваторы для гашения реакций.

– Если бы... – не открывая глаз, усмехнулся Фрамер. – Я исследую атмосферу Везелвула уже пять лет и знаю ее состав. Мне удалось несколько раз снять спектры болотных испарений сразу после сброса контейнеров с «дезактиваторами»... Нет... – он сокрушенно покачал головой. – Туда сбрасывают чистейшие яды, чтобы поддержать идущие в недрах болот процессы...

Пока он говорил, космодромный техник закончил программировать.

– Все... – облегченно вздохнул он, откидываясь в окровавленном кресле, которое незадолго до него занимал труп. – Не знаю, что это был за сбой, но сейчас солнышко начнет разгораться вновь...

Ответом ему был лишь мучительный, сдавленный стон раненого сержанта.

Грегор посмотрел по сторонам и, наткнувшись взглядом на окровавленный пластиковый лист, непроизвольно отодвинул свое кресло подальше от трупа.

Он не стал говорить своим невольным сотоварищам о том, что он увидел, приподняв лист обшивки. В затылке трупа красовалась аккуратная дырка, по краям которой запеклась черная кровь. «Очень похоже на контрольный выстрел... Очень. Неужели этот плаксивый доктор прав? – испуганно подумал он. – Но зачем? Зачем компании катастрофа? – Гентри передернуло не то от страха, не то от отвратительных воспоминаний. – Нет... – подумал он, покосившись в сторону трупа. – Этот парень, наверное, попросту псих...»

Такие мысли никак не способствовали поднятию настроения.

Оглянувшись по сторонам, Грегор вдруг почувствовал себя как крыса, попавшая в западню.

ГЛАВА 4.

Борт транспортного корабля «Геракл». Точка гиперпространственного перехода...

Против обыкновения, в этот утренний час Линкс был трезв как стеклышко и, наверное, оттого пребывал в самом мрачном расположении духа.

– Ну что, Рорих, долго мы еще будем болтаться возле этой жестянки?! – раздраженно спросил он, глядя, как небольшой навигационный буй, обозначающий расчетную точку для гиперпространственного прыжка, в очередной раз медленно проплывает на обзорных экранах ходовой рубки.

– Пять секунд, сэр... – отозвался полный скрытой иронии голос. Если бы интерком был исправен, на экране возник бы Железная Башка во всем великолепии своего уродства. Линкс никогда не сомневался, что Эрни Рорих занял бы самую верхнюю ступеньку на пьедестале почета в конкурсах, проводимых на небезызвестной планете Эрлок-17.

Действительно, инженер бортовых систем «Геракла» носил свои искусственные части тела с подчеркнутой, показной небрежностью. Его череп от лба до затылка пересекала сияющая хромом металлическая пластина шириной в десять сантиметров. Вместо правого глаза из мягкой оправки торчала миниатюрная видеокамера, которая, когда он хотел посмотреть вбок, поворачивалась в глазнице из пеноплоты с противным, скребущим по нервам визгом. Щеки и нос Эрни бороздили несколько глубоких шрамов. С обоих боков от металлической пластины росли редкие волосы, которые Эрни красил в серебристый цвет и подстригал коротким ежиком, что делало их очень похожими на встроенные в искусственную часть его черепной коробки разъемы биоинтерфейсов.

В данный момент он испачканными в масле руками закрывал кожух одного из генераторов низкочастотного поля, которые составляли основу гиперпространственного двигателя.

Линкс облегченно вздохнул, откинувшись в кресле. Подобные непредвиденные задержки, когда их горе-корабль по несколько дней болтался в какой-нибудь точке пространства, здорово действовали ему на нервы.

Слишком много времени на размышления – так безошибочно определял он свой недуг. Чтобы не думать, естественно, приходилось пить. Но теперь все. Шабаш...

Линкс повернулся, собираясь вызвать навигационный отсек, где распоряжалась Эйзиз, но его опередил звонок из другого модуля.

Это был Звягинцев.

Дерек почему-то сразу почуял неладное. Сказать откровенно, то с той поры, как он начал командовать кораблем, Линкс невзлюбил вот такие неожиданные звонки, особенно в тот момент, когда корабль готов вот-вот уйти в гиперсферу...

– У нас возникла проблема, командир... – сообщил Андрей.

Сердце Линкса екнуло.

– Ну? – насупившись, спросил он.

– Приемник гиперсферных частот уловил сигнал, – доложил Звягинцев. – Очень слабый, но все же автоматика сумела выделить его из фоновых помех.

– Текст есть? – осведомился Линкс, настройку которого падало с каждой секундой, словно столбик выброшенного за борт ртутного термометра.

– Достоверно идентифицирован только сигнал SOS, остальное очень трудно понять, слишком слаб источник.

– Ну а данные? Координаты, направление?

– Везелвул. Система Везелвул-12.

– Это точно?

– Без сомнения. Автоматика сразу же выдала место передачи, еще до того, как опознала сигнал бедствия.

– Черт... – от души выругался Линкс.

– Что «черт»? – не понял его реакции Андрей. – Ты о чем, командир?

– О сигнале. Ну да хрен с ним... – внезапно заключил он, чем вызвал откровенное недоумение Андрея. – Уточни пеленг, еще раз перепроверь данные и подготовь передатчик для связи с Онтарио, – распорядился Линкс. – Остальное по плану, – хмуро добавил он.

– Что значит «по плану»? – в свою очередь озадаченно спросил Андрей. И вдруг до него начал доходить истинный смысл реакции Дерека.

– Ты что, не собираешься ответить на SOS?! – искренне изумился Звягинцев. – Это же сигнал бедствия, командир!

– Да знаю я, – попытался отмахнуться Линкс.

– Нет, подожди! – Андрей уже начал злиться, не на шутку озабоченный такими действиями. – Ты что...

– Да ничего я... – внезапно окрысился Дерек. – Мы не спасательный корабль, а старая развальня, которой впору самой транслировать SOS вместо опознавательных сигналов! – раздраженно пояснил он. – Месяц ремонтируемся и сутки летим! Ты сам подумай, если сигнал столь слаб, то когда он отправлен? Десять лет назад? Или двадцать?

– Не знаю, – после паузы ответил Звягинцев, для которого, очевидно, не существовало такого вопроса в принципе. – Может быть, у него просто слабый источник, вот и все! – предположил он.

– Станция ГЧ не может быть слабым источником! – назидательно отрезал Линкс. – И хватит об этом. Передадим принятый сигнал на Онтарио, и пусть они посылают спасательный корабль. Все ясно?

Андрей хмуро посмотрел на него с экрана интеркома и потянулся к какому-то выключателю.

– Ясно... – пробурчал он, еще не совсем осознав, как это можно просто передать сигнал бедствия по инстанции, не откликнувшись на него немедленным действием.

Интерком отключился, оставив Дерека наедине с собственным отражением, которое печально смотрело на него из неисправного монитора.

В отличие от Андрея для Линкса ситуация представлялась вполне понятной. Несмотря на внезапность обрушившейся проблемы, ему не было необходимости часами размышлять над текстом сообщений и вопросом собственной совести. Он пятый год варился в каше, что зовется Корпоративной Украиной, и знал, почему тут человеческая жизнь.

Он очень хотел играть по тем правилам, что придумал человек на заре освоения космоса. Они были вполне близки и понятны его разуму. Но, к сожалению, дело обстояло совсем не так.

Он отвечал за корабль и груз. Прежде всего. А уж потом за все остальное.

– Значит, все. Улетаем. Я ничего не могу сделать, – отрезал он, обращаясь к собственному отражению. – Если я послушаюсь инструкций корпорации и угроблю корабль, то от меня даже дерьма для похорон не оставят...

Отражение молчало. Оно не хотело разговаривать с ним.

* * *

Командир «Геракла» знал, что бунт неизбежен и его затея обречена на провал, но с упорством начал готовить управляющие системы корабля к прыжку по старым координатам.

«Они не поймут меня...» – обреченно думал он, имея в виду остальных членов экипажа. Их раны еще кровоточили, казались слишком свежими и постоянно напоминали о иной жизни, которая для Линкса уже покрылась несмываемой плесенью рутины и постоянных унижений.

Если корпорация сказала «улетай», то лучше последовать данному требованию.

Он заканчивал программировать блок гипердрайва, когда в рубку управления без доклада ворвалась разъяренная Саша Эйзиз.

– Ты что, Линкс, совсем мозги пропил? – прямо с порога влепила она.

– Эй, – Линкс резко повернулся вместе с креслом. – Ты забыла постучаться и добавить «сэр»! В чем проблемы, навигатор?

– Это у тебя сейчас будут проблемы!.. – угрожающе пообещала Саша.

– Слушай, Эйзиз, если ты решила принять управление кораблем...

– Не волнуйся, – ледяным тоном ответила она. – Командовать будешь ты. Но если ты, Линкс, еще раз заикнешься, что мы не ответим на сигнал бедствия и, поджав хвост, полетим лизать задницу корпорации, то, клянусь всеми Шиистами космоса, я вышвырну тебя к чертовой матери с твоего командирского кресла!

– Но-но... Не много ли ты на себя берешь?..

– Ровно столько, сколько сможет выполнить! – раздался в рубке управления еще один голос.

Линкс вздрогнул и повернул голову, хотя и без того знал, что в открывшемся дверном проеме стоит Железная Башка.

– Я ей помогу, не сомневайся, – подтвердил тот свои намерения.

– Та-ак... – криво усмехнулся Линкс, заметив, как посторонился Рорих, пропуская в рубку заметно прихрамывающего Андрея. – Что ж, раз весь экипаж в сборе, давайте обсудим создавшееся положение, – сделав над собой усилие, предложил он.

Эйзиз только фыркнула в ответ, Андрей молча прошел вперед и сел в кресло пилота, Рорих же укоризненно покачал головой, покосившись на Сашу. При этом видеокамера в его глазнице едва слышно взвизгнула.

– Что мы должны обсуждать? – раздраженно спросила Саша. – Ты совершенно отупел на этой дерьмовой работе, Линкс, если забыл железное правило космоса – сигнал бедствия автоматически отменяет все полученные до него полетные инструкции.

– Да, я помню этот НЕПИСАНЫЙ закон, – огрызнулся командир, выделив предпоследнее слово. – Но ты, видно, забыла, что мы не просто экипаж, – жестко заключил он. – Мы калеки, отбросы, шлак войны, как недавно определила ты сама, – напомнил Линкс, – и наши судьбы полностью в руках корпорации. Мы живем ровно до тех пор, пока имеем эту самую, как ты выразилась, «дерьмовую работу»!

– И что это значит?

– А то, что мы обязаны подчиниться существующим полетным инструкциям. Они не хотят, чтобы любой пойманный сигнал заставлял их корабли сворачивать с курса и лететь черт знает куда на слабый импульс двадцатилетней давности. Для этого на Онтарио есть специальная служба, оснащенная специальными кораблями, понимаешь? Если мы откликнемся на SOS, то автоматически противопоставим себя корпорации, сечешь, Ледышка?

– Не смей называть меня Ледышкой, Линкс, пока я слышу ту чушь, которую ты несешь! Клянусь змедами Прокуса, когда я спасала тебя на Гамме-14, то меньше всего думала о нарушении приказов и своем послужном списке. Тогда мне, между прочим, было приказано возвращаться назад. Ты был списан в процент потерь, ты значился трупом, Линкс, и в итоге – я нарушила приказ, а ты теперь живешь и цепляешься за свое жалкое существование, напрочь позабыв, что мог бы сдохнуть пять лет назад...

Она отвернулась и тихо добавила:

– Мне жаль, что пришлось напомнить тебе об этом... Теперь ты командир и судьба других людей находится в твоих руках...

Линкс поднял голову и хмуро посмотрел на собравшихся.

– Почему вы считаете, что туда должны лететь именно мы? – глухо спросил он.

– SOS пришел только что... – ответил за всех Андрей. – Вокруг на пару парсеков ни одного космического корабля, только мы, в этом ты мне можешь поверить, командир. Пока корпорация отправит спасателей, пройдет как минимум двое суток. В данный момент мы ближе всех к координатам Везелвула, и к тому же мы полностью готовы к прыжку!

– Конечно, они вышлют корабль, – поддержал Андрея Эрни Рорих. – Но никто не знает, что там стряслось и сколько человек погибнет за двое суток... Это Везелвул, не забыл? Мы с тобой уже, помнится, бывали на нем, Линкс. Такая большая помойка, помнишь?

Линкса поразило внезапное красноречие Рориха. Обычно тот был скуп на слова.

– Не хотелось бы всю оставшуюся жизнь гадать, сколько душ на твоей совести, – закончил свою мысль инженер «Геракла». – А корпорация в этом вопросе может пойти подальше. Не ей писаны законы космоса.

Лицо командира помрачнело еще больше. Он поднял тяжелый взгляд, но слова, готовые сорваться с его губ, так и не прозвучали. Он понял, что может лишь приказать.

– Ладно, фрайг с ним... – наконец, сдавшись, произнес он. – Саша, меняй координаты прыжка, а ты, Андрей, подготовь сообщение на маяк Онтарио.

– Что отправить?

– Ну, как положено, там «транспорт, бортовой номер такой-то, меняет курс в связи с поступившим сигналом бедствия. Новые координаты прыжка – система Везелвул-12»... – Линкс на секунду задумался. – И подпись... – добавил он. – Мою.

Саша Эйзиз отвернулась, чтобы скрыть то выражение, что промелькнуло на ее лице.

Честно говоря, несколько минут назад она уже была готова усомниться в своем бывшем подчиненном.

Космопорт Везелвула. Отсек контроля

– Я больше так не могу!.. Давайте выйдем отсюда...

Док, пошатнувшись, встал с пола и нетвердой походкой подошел к бронированному овалу.

– Откройте мне дверь!.. Откройте!.. – в голосе Гентри звучало не требование, а мольба. Он больше не мог выносить этот спертый воздух тесного помещения, в котором витал смрад разлагающейся плоти.

Он добился лишь того, что отбил себе кулаки.

– Док, если мы выйдем наружу, то нас сожрут... – предостерегающе произнес Грегор.

– Плевать... – задыхаясь, ответил Гентри. – Я не зову вас с собой... Я хочу дышать... Вы... Вы...

Терпению Грегора пришел конец. Он не понимал, что вызывает в нем большее отвращение – стойкая сладковатая вонь или жалобные причитания дока.

– Да вали ты отсюда! – не выдержал Грегор, в сердцах ударив ладонью по клавишам пульта.

Многотонная дверь дрогнула и медленно поползла в стену.

В этом спонтанном жесте, как оказалось, было достаточно трезвого расчета. Пока Гентри, шатаясь, словно пьяный, рвался наружу, пытаясь если не протиснуться в медленно расширяющуюся щель, то по крайней мере глотнуть из нее воздуха, Грегор, давясь тошнотными спазмами, просунул руку под пластиковый лист, нащупал там ворот одежды, в которую было облачено разлагающееся тело, и, стараясь не дышать, поволок его к выходу.

Грегор подумывал об этом уже несколько часов, но, откровенно говоря, слишком сильно боялся тех тварей, чьи вопли проникали в тесное помещение даже сквозь толщу брони. Он был согласен дышать смрадом, только не попасть в их лапы.

Теперь, когда нытье и причитания Фрамера окончательно достали его, в голове техника внезапно возник простой и вполне реальный план.

Он знал, что док трус. Увидев мутантов, тот кинется бежать со всех ног, и это отвлечет внимание тварей. Грегор рассчитывал, что успеет выволочь мертвое тело и закрыть дверь, прежде чем голодные звери, оккупировавшие космопорт, разделаются с доком.

То, что Гентри сам рвался стать наживкой, только упрощало дело.

Грегор не обращал внимания на то, как сильно за несколько последних часов изменились его мысли.

Всего пару дней назад он был простым техником из штата космодромной obsługi – обыкновенным, ничем не выдающимся мужчиной тридцати пяти лет, с уравновешенной психикой, без дурных наклонностей.

Теперь в нем что-то сломалось. Грегору казалось, что он читает книгу или смотрит какой-то дешевый фильм. Погасшая звезда, кислородная метель, полная растерянность, свирепые, исторгнутые из радиоактивных болот наступающим холодом мутанты – все это поначалу ошарашило, напугало до полусмерти, а потом, совершенно внезапно, заставило бороться за жизнь.

Теперь безумный переход по уровням космопорта казался ему тяжким, кошмарным сном.

Грегор больше не хотел умирать. Ему повезло – он встретил дока, одного из «резервных специалистов», которым на случай аварии или катастрофы был предоставлен доступ к управляющим отсекам. Его, рядового техника, тоже заставили пройти специальную подготовку именно на этот случай. Он знал, как управлять искусственным солнцем. И он разжег его вновь.

Несмотря на тот ужас, что пришлось ему пережить за последние сутки, Грегор не совсем потерял голову и ясно отдавал себе отчет в том, что спасение Везелвула будет дорого оценено корпорацией, которая год за годом с завидным упорством инвестировала миллионы кредитов в этот проклятый богом и людьми мир...

Грегору было наплевать на то, что док и сержант плели тут про политику «Генезиса».

Он разжег солнце Везелвула. Разжег в тот самый момент, когда атмосферные процессоры уже находились в стадии перегрузки и должны были взорваться один за другим. Сейчас процессы пойдут вспять – за это Грегор как специалист мог поручиться.

Теперь ему оставалось совсем немного – выжить, отсидеться за мощными бронированными стенами до той поры, пока сюда не придут спасатели. И жизнь какого-то доктора вдруг перестала иметь значение. Важно было только одно – чтобы выжил он сам...

...Овальная плита наконец отъехала настолько, что доктор Фрамер смог протиснуться сквозь расширяющуюся щель. Он не видел, как вслед за ним Грегор поволок разлагающийся труп, – взгляд доктора, полный безумного, панического ужаса был устремлен в глубины аппаратного зала, где меж пультов управления сновали зловещие тени скопившейся тут нежити.

Он закричал, непроизвольно попятившись, но его спина внезапно наткнулась на твердый материал люка.

Доктор в панике оглянулся, но было поздно – пока он в оцепенении разглядывал сумеречные глубины зала, люк за спиной уже начал свой обратный ход, и теперь на месте прохода осталась лишь узкая щель.

– Грегор! Грегор!.. – в отчаянии закричал док, вцепившись в край люка. – Грегор,пусти меня обратно, прошу!..

В ответ, как ему показалось, прозвучал презрительный смешок. Доктор едва успел вырвать пальцы из щели, как люк, зашипев, встал на место.

* * *

Возвращение в реальность оказалось для Николая фон Риттера столь мучительным, что он впервые по-настоящему пожалел о том, что какое-то чудо вырвало его из гиперсна.

То, что поначалу казалось спасением, теперь упорно оборачивалось кошмаром.

Он лежал на спине там, где потерял сознание от лихорадки, и слышал какие-то странные звуки.

Кто-то рычал, низко, напряженно, угрожающе...

Этот звук заставил его повернуть голову, и в поле зрения попал облезлый, свалывшийся хвост какого-то животного.

Собака...

Николай сделал усилие и привстал.

В метре от него, припав к полу, застыл в угрожающей стойке тот самый пес, которого он подобрал на улице, когда пробивался сквозь голубые сугробы к зданию космопорта.

Это могло показаться чудом – но ведь выжил!.. Надо же... Как ни плох был Николай, но даже в таком состоянии он удивился тому, что пес все же выкарабкался из лап смерти, а когда он перевел взгляд чуть дальше, то его удивление перешло в легкий шок...

Напротив пса в трех или четырех метрах в таком же напряжении застыл мускулистый карлик с зажатым в отведенной для удара руке ножом.

– Эй!.. – хрипло вскрикнул Николай, непослушными пальцами пытаясь нащарить приклад импульсной винтовки. – Ну-ка, вали отсюда...

Карлик вздрогнул и, не отводя глаз от собаки, повернулся, чтобы поймать боковым зрением источник нового звука. Пес, продолжая рычать, повторил его движение. Он переместился, прикрывая лежащего на полу человека.

На лбу карлика вздулись вены.

Такого уродливого существа Николаю не приходилось встречать очень давно, с тех пор, как он в последний раз бывал на Омикроне-5... Но одно дело Омикрон, а другое... Тут он внезапно вспомнил, что понятия не имеет, где находится... Этот карлик, который мог зарезать его одним молниеносным выпадом, совсем не походил на тех генетических уродцев, что демонстрировались в цирках Омикрона. Тут имела место не просто мутация, а приспособляемость, а этот термин в корне менял взгляд Николая на потенциальные возможности низкорослого существа, сквозь добротную, но крайне застиранную одежду которого выпирали недюжинные мускулы.

Карлик скривил рот в отвратительной ухмылке. Что это должно было значить, ведали одни Шиисты...

– Друг... Ваби друг... – на корявом интерангле внезапно просипел он. – Не убивать... Просить...

Николай медленно, сантиметр за сантиметром подтягивал к себе пластиковый приклад. Наконец он почувствовал, как его пальцы охватили холодную рукоять оружия. Теперь он мог выстрелить, в том случае, если его ватным мускулам достанет сил, чтобы вскинуть пятикилограммовое импульсное оружие...

– Хорошо... – так же хрипло и отрывисто ответил он. – Убери нож. Давай поговорим.

Лицо карлика исказила гримаса. Должно быть, она отражала какие-то необычные для этого существа мыслительные процессы. Очевидно, в повседневной жизни тому редко приходилось употреблять серое вещество по прямому назначению.

– Собака... Будет кусать... – лаконично предположил он.

– Не будет... – заверил его Николай, положив вторую руку на мокрый, тощий хребет пса.

Пес вздрогнул и повернул голову. В его взгляде читался немой вопрос. Собака была до предела истощена, и неизвестно, в какой части ее мокрого облезлого тела еще держалась душа этого преданного всему человеческому роду существа, но Николай внезапно понял – сделай он знак, и пес непременно кинется на врага...

– Все нормально... Никто никого не кусает... – произнес эти слова, он потянул пса к себе, и тот послушно попятился, благодарно прижавшись мокрым боком к теплому человеческому телу. – Убирай нож и давай говорить.

Карлик посмотрел на него большими красноватыми глазами с четкими прожилками сосудов вокруг расширенных зрачков и медленно отступил на шаг, неуловимым движением спрятав клинок.

– Ваби пришел... – внимательно глядя на Николая, произнес он. – Солнце почернело... Холодно... – пожаловался он. – Дом Ваби... Все замерзли... Надо помочь...

В жизни фон Риттера случались, конечно, ситуации и похлеще, но в данный момент он оказался настолько слаб, что плохо отдавал себе отчет в том, видится ли ему все это в бреду или он действительно очнулся?

– Хорошо... – ответил Николай, оттягивая время и мучительно соображая над смыслом полученной информации. Что желал этот странный субъект? Ясно, что у него есть дом и катастрофа, постигшая планету, коснулась и его. Но что значит «замерзли»? Заболели? Или превратились в лед в буквальном смысле?

– Мне надо посмотреть, – наконец произнес Николай.

– Ваби поведет, – тут же согласился карлик.

Мускулы пса, прижавшегося к телу полуживого человека, внезапно напряглись. Ему совсем не нравился голос этого странного низкорослого существа.

– Хорошо... – повторил Николай, попытавшись встать. События, обрушившиеся на него, происходили слишком быстро, не давая опомниться, разобраться что к чему и принять здоровое решение. Возникло неприятное ощущение того, что он просто следует за этой непонятной цепью событий, которая влечет его в полную неизвестность.

И тем не менее фон Риттер ничего не мог поделать. Оставалось радоваться тому, что он все еще жив...

Пес, жавшийся к его ногам, вновь оцетинился, подозрительно косясь в сторону низкорослого мутанта. Николай очень остро ощущал всю уязвимость собственного положения и был рад, что собака по-прежнему рядом, хотя защитник из тощего пса, очевидно, был никакой...

Однако опасения фон Риттера не подтвердились. Маленький мутант строго придерживался их договоренности.

Это была самая странная сделка в жизни Николая. Его часто нанимали для разного рода дел, но впервые все происходило так кратко и согласованно. Никто ни с кем не торговался. Он попросту принял первое предложение маленького мускулистого уродца в обмен на то, что тот в силу каких-то соображений не всадил ему в горло нож.

Пока Николай вставал на ноги, удерживаясь обеими руками за спинку кресла, Ваби с безучастным видом разглядывал куполообразный свод зала, изредка поглядывая на пса, от которого, вероятно, ожидал любого подвоха.

Внезапно тишину огромного холла нарушило далекое завывание. Ваби резко повернулся, шустро присев под покрытие пластиковой кадки с разлапистой искусственной пальмой. В его руках тускло блеснула сталь двух коротких, остро отточенных клинков.

Жуткий вопль повторился, отдавшись эхом в каких-то закоулках пустого порта. Звук явно приближался...

Николай, который был занят тем, что сдирал с себя насквозь промокшую одежду, которую натянул поверх костюма химической защиты еще в караульном помещении тюрьмы, последовал его примеру. Страшный вопль, как ни странно, помог ему собраться с силами,

преодолев тошноту и головокружение. Пригнувшись, он оперся на спинку кресла, взвел интегральный затвор импульсной винтовки и замер, гадая, из какого коридора доносится вой.

Первым эту проблему решил пес. Громко залааяв, он кинулся к широкому, ярко освещенному тоннелю, который соединял холл с залами ожидания.

Одновременно с его рывком в глубине плохо освещенного туннелеобразного прохода появилась человеческая фигура.

Это был не кто иной, как доктор Гентри Фрамер. Порванная одежда болталась на нем окровавленными лохмотьями, перекошенный рот был открыт, словно в нем застрял немой крик, широко раскрытые глаза источали животный ужас...

Гентри бежал из последних сил, уже потеряв всякую надежду на спасение. Морально он был уже мертв, и только рефлекторные судороги толкали вперед его измученное тело.

Вслед за ним по коридорам и залам катился жуткий, леденящий душу вой.

Николай понял, что человек бежит на пределе сил, и, когда в сумеречных глубинах пешеходного тоннеля возникли силуэты его преследователей, он резко встал из-за укрытия и крикнул:

– Падай! На пол!!!

Неизвестно, расслышал его беглец или просто у него кончились силы, но человек внезапно споткнулся и рухнул как подкошенный, даже не пытаясь защитить лицо от удара об пол.

Над его головой сухо треснула очередь из импульсной винтовки, и коридор за спиной упавшего покрылся бурыми оспинами разрывов.

Николай был уверен, что все кончено, и потому, не дожидаясь, пока рассеется дым, поспешил к упавшему человеку, но он просто не представлял, с какого рода противником имеет дело.

Из клубов удушливого дыма, что заволокли коридор от стены до стены, внезапно вырвались три рослые фигуры.

Это были люди... вернее, гуманоиды, но как страшны в белом свете дневных ламп казались их окровавленные лица, кожа которых имела голубоватый оттенок...

«Нет... они не могли быть людьми!..» – эта мысль метнулась в сознании фон Риттера одновременно с тем, как один из мутантов остановился на пороге холла, обернувшись в его сторону.

Николай вскинул винтовку, но затвор лишь сухо щелкнул вхолостую... Заряды закончились.

Один из гуманоидов бросился прямо на него. Непропорционально длинные руки, оканчивающиеся когтями, тянулись к его горлу. Тварь взвилась в прыжке...

«Прогрессирующие мутации...» – успел подумать Николай, прежде чем масса нападавшего опрокинула его на пол.

В лицо фон Риттера пахло смрадом от частого горячего дыхания противника.

Это прикосновение отвратительной смерти было столь мерзостно, что Николай, удивляясь, откуда взялись силы, совершенно машинально уклонился, позволив себе упасть вместе с противником, и, резко извернувшись, вдруг чудесным образом оказался сверху.

Мутант взвыл, одновременно с тем, как хрустнула его рука, сломанная в предплечье коротким рубящим ударом ладони фон Риттера, и тут же сбоку, из-за опрокинутой на пол пальмы, к его горлу метнулась серая лохматая тень.

Николай, который уже вскочил на ноги, невольно отпрянул, на долю секунды встретившись взглядом с атакующей собакой.

Столько ненависти было в глазах пса, столько скопившейся злобы, что он отступил, словно признав за собакой право разделаться с мутантом, который, несмотря на раны и сломанную руку, уже поднялся, свирепо вращая налитыми кровью глазами и издавая совершенно не похожие на речь нечленораздельные звуки.

Он тянулся к Николаю и не видел пса.

Фон Риттер отвернулся, когда клыки с отвратительным звуком сомкнулись на незащищенном горле.

Перехватив импульсную винтовку за покрытый вздутиями электромагнитных катушек ствол, он поспешил на помощь Ваби, которого пытались атаковать сразу два противника.

Впрочем, уже один.

Пока фон Риттер на дрожащих от напряжения, ватных ногах преодолевал несколько метров, отделявших его от ближайшего противника, один из мутантов вдруг пошатнулся, обернувшись в его сторону в неестественном, конвульсивном движении.

Из переносицы уродливой пародии на человека торчал метательный нож. Бросок карлика оказался столь силен и точен, что клинок пронзил мозг мутанта, войдя в переносицу по самую рукоять.

Человекообразная тварь прошла еще несколько шагов, судорожно загребая руками воздух, и рухнула на пол, содрогаясь в конвульсиях.

Ваби, издавая хриплое сопение, медленно отступал к стене, без особого труда уворачиваясь от грубых и неуклюжих выпадов когтистых лап третьего, оставшегося в живых, мутанта.

Николай подоспел как раз вовремя, потому что отступить карлику уже было некуда – его спина уперлась в прозрачный материал огромного панорамного окна, за которым клубился молочный туман.

Чувствуя, что вот-вот вновь потеряет сознание, фон Риттер занес свою импровизированную дубину и ударил прикладом, целясь чуть пониже затылка твари. Что-то хрустнуло, не то шейный позвонок, не то пластиковое ложе винтовки, мутант пошатнулся, испустив рев, и в этот момент Ваби, улучив мгновение, резко прыгнул, взмахнув рукой.

Рев захлебнулся, превратившись в хрипящий, булькающий звук.

Николай оттолкнул от себя обмякшее тело и в изнеможении ухватился рукой за вертикальную стойку, поддерживающую памятный ему рекламный щит. Перед глазами вместе с черными кругами плыло ухмыляющееся лицо Ваби.

Маленький мутант, вытерев окровавленный клинок о рваную одежду трупа, подошел к нему и безо всяких церемоний подставил Николаю свое плечо.

– Ваби друг!.. – отрывисто повторил он, помогая фон Риттеру доковылять до кресла.

Откровенно говоря, Николай уже не сомневался в этом утверждении.

Его взгляд был красноречивее всяких слов, да и пес, который застыл, напряженно глядя в глубины коридора, повернул голову на звук хриплого голоса, но вместо того чтобы оскалить клыки, вдруг несколько раз вильнул хвостом, явно одобряя действия карлика...

Рухнув в кресло, Николай несколько секунд боролся с тошнотой. Слабость накатывала на него, выворачивая внутренности, и все же он чувствовал себя намного лучше, чем накануне, когда только вошел в космопорт...

Дождавшись, пока перед глазами перестанут плавать черные круги, Николай осмотрелся по сторонам, но в этом, как оказалось, не было нужды – заметив, как Ваби и собака, не стовариваясь, вместе обходят зал, он понял, что у него внезапно появились два бдительных союзника.

Теперь стоило заняться спасенным, который, судорожно всхлипывая, лежал на полу, закрывая руками испачканную кровью голову. О том, что он жив, говорила лишь конвульсивная дрожь, сотрясавшая его тело.

Фон Риттер сполз с кресла и, присев возле упавшего человека, тронул того за плечо.

– Кончай трястись, – грубовато произнес он. – Все уже кончено.

От его прикосновения человек вздрогнул всем телом.

– Оставьте меня... Уходите!.. – едва слышно взмолился он.

– Нет... – слабо усмехнулся Николай. – У меня слишком много вопросов.

Человек внезапно привстал и отполз в сторону. Сев поодаль, он уставился на Николая горячечным, полубезумным взглядом.

– Что вы от меня хотите? – хрипло и испуганно спросил он.

– Ничего особенного. – Николай, устроившись на полу, пошарил по карманам влажной верхней одежды, подобранной в караульном помещении тюрьмы. К его удивлению, там нашлась мягкая, но нераспечатанная пачка сигарет, ключи, какая-то мелочь и электронная зажигалка.

Нервное напряжение скоротечной схватки отступало, как отхлынувшая приливная волна... Николай кое-как распечатал сигареты и протянул помятую пачку трясущемуся беглецу.

Тот взял ее и долго доставал сигарету дрожащими пальцами.

Николай прикурил, и от первой затяжки у него даже помутилось в голове.

Выпустив дым, он блаженно улыбнулся.

– Что... Что вы хотите знать? – раздался нервный голос спасенного.

– Совсем немного. – Николай огляделся и, удостоверившись, что Ваби с собакой закончили осмотр и возвращаются, все еще недоверчиво косясь друг на друга, перевел взгляд на незнакомца. – Меня зовут Николай фон Риттер, – представился он.

– Доктор Генри Фрамер, – незнакомец посмотрел на Николая, и впервые за время их короткого общения в его глазах промелькнуло здоровое любопытство.

– Я не видел вас раньше... – растерянно пробормотал он. – Знаете, тут совсем немного людей и лица как-то уже успели примелькаться...

– Неудивительно. Я заключенный, – ответил Николай, решив про себя, что нет смысла таиться и недоговаривать. Все, что стряслось с ним на протяжении последних часов, говорило о серьезности положения, и любая недомолвка между людьми, которым, может быть, спустя пару минут придется биться плечом к плечу, была недопустима с точки зрения его собственной этики.

Генри съежился.

– Из огня да в полымя? – не удержался Николай от усмешки, глядя на неподдельный испуг своего нового знакомого. – Не напрягайтесь, Фрамер, я не монстр, и мы, – он красноречиво взглянул в ту сторону, где валялись три обезображенных трупа, – мы с вами в одной лодке, не находите?

– Д-да... наверное... – заикаясь, выдавил тот.

– Тогда всего пару вопросов, – поморщившись, произнес фон Риттер. Он чувствовал, как медленно возвращаются к нему силы, а вместе с этим – болезненные ощущения собственного тела.

Доктор Фрамер подозрительно покосился на него, ожидая вопросов.

– Во-первых, где я нахожусь, – подавив дурноту, спросил Николай, – а во-вторых – что в конце концов тут стряслось?

* * *

Доктор Генри Фрамер никогда не считал себя храбрецом.

Сейчас, сидя на полу огромного холла и глядя, как к нему приближается странного вида карлик, в руке которого тускло поблескивала сталь широкого обоюдоострого ножа, он вдруг понял, что больше уже не в силах бояться.

И все же он отполз в сторону, напряженно поглядывая на всю троицу – человека, собаку и мутанта.

– Расслабьтесь, Фрамер, это Ваби, – произнес фон Риттер, который, сидя на полу, снимал с себя мокрую одежду, состоявшую из нескольких свитеров, курток и утепленных штанов. Под этим гардеробом оказался еще и серебристый костюм химзащиты.

Освободившись от мешавших движениям вериг, Николай вздохнул с облегчением. Оглядевшись, он отыскал на полу снятое в горячке забрало мягкого шлема и вернулся к тому месту, где сидел Гентри.

– Ну, так что, док? Где мы находимся? – присев на корточки, спросил он.

– Это Везелвул-12... – хрипло выдавил Гентри.

Очевидно, эта новость не обрадовала фон Риттера.

– Дерьмо Шииста... – выругался он. – Так я и предполагал...

Подняв с пола импульсную винтовку, он достал из груды сброшенной одежды полный магазин и ловкими, точными движениями перезарядил оружие.

Этот профессионализм в обращении с импульсной винтовкой не укрылся от прояснившегося взгляда Гентри.

– Вы солдат? – осторожно спросил он.

– Наемник... – лаконично ответил фон Риттер. – Родовая профессия... – невесело добавил он. – Значит, это корпоративные территории, так полагать?

Гентри кивнул.

– А что тут делает колониальная тюрьма? – поинтересовался Николай.

Казалось, что этот вопрос застал Фрамера врасплох.

– Контракт на использование заключенных перекуплен корпорацией, – немного помедлив, все же ответил он. – Вы ведь знаете, что такое Везелвул. Отравленная атмосфера, радиация, химические соединения... – казалось, что Фрамер испытывает иррациональное чувство личной вины за то, что предлагала суровая реальность этой планеты.

– Значит, будущий рай руками смертников? – невесело усмехнулся Николай, вспомнив несколько виденных им раньше репортажей, где корреспонденты галактических новостей восхваляли колониальную администрацию и «Генезис».

– Понимайте, как хотите... – отвернулся Гентри. – Я лишь рядовой служащий «Генезиса».

– Ну, хорошо, Фрамер, я не имею ничего против вас лично... – успокоил его фон Риттер. – Просто новости не очень приятные... – признался он. – А что тут произошло? – тут же переспросил он, вспомнив свое страшное пробуждение.

– Неполомки с искусственным солнцем, – скупое ответил док. Он справедливо не доверял едва знакомому человеку, который к тому же оказался заключенным, и не собирался изливать перед ним душу, как бы того не хотелось.

– А эти? – Николай хмуро кивнул в сторону разбросанных по полу трупов.

– Мутанты. С отравленных болот... – Гентри поежился.

– То, что это мутанты, я вижу, не слепой, – Николай вдруг почувствовал растущее раздражение. – Вот только откуда бы им там взяться, а? От грязи завелись? Ведь это люди... – произнес он, посмотрев на лицо ближайшего трупа. – Мутировавшие люди... – тихо добавил Николай, глядя в перекошенное от страха лицо Фрамера.

– Беглые... Беглые заключенные... – сделал усилие, выдавил доктор. – Они живут в болотах. Некоторые – еще со времен Конфедерации, а есть и такие, что появились недавно...

– Значит, бежать легко? – уточнил Николай, которой все еще не мог сориентироваться в окружающей его обстановке, опираясь на те скудные крохи информации, что предоставили ему обстоятельства.

– Относительно, – ответил Фрамер, опасливо косясь на карлика и собаку. – Потому что их никто не охраняет, – пояснил он. – Хочешь жить как человек – работай. Не хочешь – беги в болота. Но с планеты вырваться невозможно. Транспортный корабль прилетает один раз в

несколько месяцев, а больше никакой космической техники на Везелвуле нет. Только шаттлы для орбитальной разгрузки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.